

«И УЖЕ НЕ Я ЖИВУ,
НО ЖИВЕТ ВО МНЕ ХРИСТОС»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
ОБЩЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ

Римини 2012

«И УЖЕ НЕ Я ЖИВУ,
НО ЖИВЕТ ВО МНЕ ХРИСТОС»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
ОБЩЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ

Римини 2012

© 2012 Fraternità di Comunione e Liberazione

Перевод с итальянского: Наталья Тюкалова, Екатерина Цыганкова

Редакторы: Татьяна Кробейникова, Елена Фьерамонти

На обложке: Джотто, *Тайная вечеря* (фрагмент), Капелла Скровеньи, Падуя.

Город Ватикан, 20 апреля 2012 г.

Отцу Хулиану Каррону
Президенту Братства Общине и Освобождение

Достопочтенный отче,

по случаю проведения Духовных упражнений для членов Братства «Община и Освобождение», проводимых в Римини, Вы пожелали выказать Святейшему Отцу Бенедикту XVI чувство преданной и исполненной привязанности близости, уверяя в особых молитвах за вселенское учительство Преемника Апостола Петра. Святейший Отец, выражая свою высокую оценку похвальной инициативы Братства, благодарит за выражение почтения и за сопровождавшие его благоговейные размышления и желает, чтобы опыт общения с живым Христом пробудил новые цели щедрого церковного свидетельства в плодородной почве, которую возделал выдающийся Священнослужитель монсеньор Луиджи Джуссани. Он также призывает обильное излияние пасхальных даров радости и мира и с большим удовольствием посылает Вам, всем участникам этой духовной встречи и вашим близким испрашиваемое Апостольское благословение.

С глубочайшим почтением,
искренне Ваш в Господе,

монсеньор Анджело Беччу, заместитель Государственного секретаря Его Святейшества».

Пятница 20 апреля, вечер

При входе и при выходе:

Йоханнес Брамс, Симфония № 4 ми минор, ор. 98

Риккардо Мути – Philadelphia Orchestra

“Spirto Gentil” № 19, Philips

■ ВВЕДЕНИЕ

Хулиан Каррон

Каким бы ни было наше чувство о самих себе, каждого из приехавших сегодня вечером, каким бы ни было наше восприятие происходящего здесь, Бог дает нам эту встречу, наши Упражнения, чтобы мы ответили на него фактом своей жизни, суждением, отталкиваясь от которого мы сможем продолжать путь, в какой бы его точке мы ни находились.

В начале нашей встречи попросим Единственного, Кто может открыть наше сердце, чтобы Он распахнул его к благодати, даруемой нам в эти дни, попросим Духа Христова.

Приди, Дух Святой

Приветствую каждого из вас, присутствующих здесь, и всех друзей, из разных стран связанных с нами через Интернет, а также всех тех, кто примет участие в Упражнениях в ближайшие недели.

Утверждение положительности реальности призвало всех нас к ответу. Разнообразие откликов выявило незащищенную сторону, стало симптомом, обнаружившим влияние на нас всеобщего менталитета. Это такое восприятие реальности и самих себя, которое, в конечном счете, пропитано страшным, разрушительным сомнением по отношению к состоятельности и судьбе жизни, ко всему. Сколько раз мы слышали этот вопрос: «Действительно ли мы уверены в том, что реальность положительна? Как можем мы так говорить, глядя на происходящее вокруг нас? Есть ли что-то, способное устоять перед драмой жизни?» Подспудно, за первым планом речей и множеством дел (в которые мы тем не менее вовлечены) нас может сопровождать негативность, возникающая, когда возрастают трудности и противоречия. За более или менее парадным фасадом скрывается некоторое неудобство. Как пишет один из нас: «Иногда я замечаю какое-то неудобство. Словно в том, что мы делаем, существует нечто показное, соперничающее с трагизмом существования без надежды». Эта тень, нависающая над конечной положительностью, над

состоятельностью реальности, не является уделом экспертов или посвященных, она касается всех нас и имеет прямое последствие: несостоятельность «я». «В последнее время, – сказал один из вас, – мне довелось встречать людей, которые из-за нашей современной нестабильности проявляли свою человеческую хрупкость. Во всех этих отношениях возникает вопрос: в чем заключается моя состоятельность?»

Но вопрос может ставиться еще драматичнее, как в следующем письме: «Дорогой Хулиан, мне хотелось бы рассказать тебе, что с еще большей ясностью проявилось в моей жизни в этом месяце, во время болезни моей подруги. Начну с того, что сразу же стало для меня большим искушением, с чем мне не хотелось бы сталкиваться в себе, но что затем стало отправной точкой для достижения истины. Более того, думаю, это единственная точка отсчета для жизни в истине. Глядя на происходящее с моей подругой, я заметил, что многие вещи, которые я слышал в эти годы и искренне признавал истинными и адекватными, которые часто повторял другим, не приобрели для меня такого содержания, что сохранило бы их в этих обстоятельствах. Я совершенно ясно понял это в один из первых дней, когда навещал свою подругу в больнице. Глядя на нее в ее положении, я осознал, что в своих вопросах, в конечном счете неразрешенных, ничем не отличаюсь от отца Элуаны. Что я мог сказать перед своей подругой, находящейся в коме? Не лучше ли ей было умереть? Что такое тайна «я»? Я приходил в ужас, оттого что у меня появлялись эти вопросы. Многие вокруг меня просили чуда, но вопрос во мне касался того, что не разрешило бы даже чудо ее исцеления. Я тоже хочу, чтобы она выздоровела, но моя потребность больше этого, потому что если она выздоровеет, то раньше или позже снова будет отнята у меня, и я буду отнят у нее и у других. Кто спасает всю ее и всего меня? Кто спасает все? Такая моя человечность пугала меня, становилась искушением, она так отличалась от того, каким, как мне представлялось, я должен быть в подобных обстоятельствах. Я был скорее сухим, нежели страстным, я немел в этих обстоятельствах. Проявлялась какая-то несостоятельность моего «я», на которую мне не хотелось смотреть. Словно вся рана моей неспособности, вся моя нищета и невозможность быть истинным нагло выпирали наружу. Невосполнимая несоразмерность. Вот моя истинная человечность, это сокрушение о невозможности быть истинным, даже мгновение истинно находиться в реальности. И как раз здесь, а не после каких-то удавшихся шагов ты замечаешь, что в самой глубине себя являешься нуждой; *абсолютной нуждой*. Тогда именно эта человечность, на которую мне не хотелось смотреть, стала для меня воротами для вхождения в реальность истинным способом. Мне важно рассказать тебе об

этом, так как я вижу, что предстоящая мне большая работа заключается в том, чтобы вступить в борьбу за восстановление своей подлинной человечности (и это происходит не автоматически, это труд!), чтобы следовать по указанному тобой пути».

Это письмо показывает важность призыва к утверждению положительности реальности. Недостаточно чуда исцеления, которым нам иногда хотелось бы довольствоваться, избегая непосредственного рассмотрения истинного вопроса. «Я тоже хочу, чтобы она выздоровела, но моя потребность больше этого, потому что если она выздоровеет, то раньше или позже снова будет отнята у меня, и я буду отнят у нее и у других. Кто спасает всю ее и всего меня? Кто спасает все?» Или же: есть ли Что-то, спасающее все от превращения в ничто? И наш друг понимает, что ответ связан с восстановлением подлинной человечности. Я поражен, что это так прояснилось среди нас, поскольку указывает на основополагающую характеристику нашей культуры, которая проникает в нас больше, чем нам кажется.

Какова же эта характеристика нашей культуры?

На помощь нам снова приходит отец Джуссани. В 1994 г. в интервью журналу “30 Giorni” он сказал, что нигилизм представляет собой «смертоносную характеристику современной культуры, которая особенно в наши дни воспринимается как всеобщий менталитет [...]. Нигилизм – это, прежде всего, неизбежное следствие [нашей] антропоцентричной самонадеянности, полагающей, что человек способен спасти себя сам». Этот нигилизм с очень давней историей все больше господствует над миром: он берет свои истоки в революции XVII и XVIII вв. и еще раньше, в некоторых своих чертах в самом протестантизме, и продолжается до наших дней. [...] И, чтобы продемонстрировать это [...], я всегда объясняю ребятам стихотворение Монтале: “Однажды утром, в воздухе стеклянном, я обернувшись, может быть, увижу чудо: Пустыню с голым дальним планом – И испугаюсь, как пьянчуга. Потом, как будто возникнув на экране, привычной ложью дерева, дома вернутся. Но будет слишком поздно, и пройду в молчанье я среди тех, кого не тянет оглянуться”»¹.

Ничто за моей спиной, одна пустота («пустыня с голым дальним планом»). Стихотворение Монтале говорит о том, что все мы как взрослые сознательные люди прекрасно знаем и постоянно констатируем: что вещи несостоятельны сами по себе, они являют нам свой эфемерный характер, и от этого «захватывающего дух ощущения эфемерной видимости

¹ L. Giussani, «C'è perché è presente», intervista a cura di G. Andreotti, in *30 Giorni*, n. 10, 1994, pp. 11-12.

вещей развивается как уступка и ложное отрицание искушение думать, что вещи суть иллюзия и ничто». Иными словами, «все, что ты имеешь, люди, с которыми ты живешь, либо ничто (и это нигилизм), либо являются неопределенной частью – тогда и ты являешься неопределенной частью – Бытия, частью Бога (и это пантеизм)». Итак, «либо нигилизм, либо пантеизм. Эти две позиции сегодня являются конечным ответом, к которому приходят все и который завладевает всеми нами из-за нехватки крепкой и ясной опоры»².

Почему обнаруживается этот недостаток крепкой и ясной опоры, заставляющий нас уступить нигилизму или пантеизму? Потому что очень часто наше религиозное чувство скорее сентиментально, чем вовлечено в определенную работу. Впечатляет вывод, сделанный из всего этого отцом Джуссани. Где мы стремимся найти решение при нехватке работы, способной придать всему крепкую и ясную опору? Общим для нигилизма и пантеизма является «доверие власти и жажда власти, в любом ее понимании». Власть «утверждается как единственный источник и форма порядка», единственная возможность избежать хаоса. «Таково, в конечном счете, понимание Лютера, завершающееся в концепции абсолютно-го государства: поскольку все люди злы, то лучше, если будет управлять кто-то один или немногие. [...] И как происходит этот переход от нигилизма и пантеизма к стремлению к власти? Если человек, в конечном счете сводящий себя к ничто, ко лжи, – это притворство, чувствует себя притворством, видимостью бытия; если его «я» всецело рождается как часть великого становления, как простой результат физических и биологических данных, то у него нет никакой исконной состоятельности: [...] и пантеизм, и нигилизм разрушают самое великое в своей непреклонности, что есть в человеке, разрушают человека как личность»³.

Таково конечное следствие нигилизма и пантеизма: они разрушают наше «я». В другом своем тексте отец Джуссани приводит следующую жесткую формулировку: «Нигилизм не столько видит мир сведенным к пеплу и к ничто, сколько сводит к пеплу и к ничто наше «я», самого субъекта»⁴. И мы испытываем это умаление самих себя в нашей несостоятельности, нашей неспособности пребывать в реальности, поэтому в некоторых обстоятельствах или жизненных ситуациях мы охвачены ужасом.

Из этого состояния, из этого столь явного умаления «я», которому мы все так часто поддаемся, можно выйти, лишь вовлекаясь в работу,

² L. Giussani, *L'uomo e il suo destino. In cammino*, Marietti 1820, Genova 1999, p. 13.

³ *Ibidem*, pp. 14-15.

⁴ L. Giussani, *Si può (veramente?) vivere così?*, Bur, Milano 1996, p. 401.

позволяющую обрести нашу подлинную человечность, заставляющую нас осознать, откуда происходит исконная состоятельность нашего «я». Необходимо, чтобы человек, каждый из нас, отказался сводить себя к рационалистическому позитивизму, ведущему к нигилизму или пантеизму. На самом деле они являются плодами рационализма, который приравнивает знак к видимости, плодами удушающего позитивизма, отрицающего у реальности отсылку к чему-то иному и сводящего ее к собственной мере.

Поэтому утверждение положительности реальности призвало всех к ответу, так как призвало к ответу наш рационализм, наш способ использования разума, сведенного к мере всего (такова наша самонадеянность), выявило наше сопротивление (мы, как все) перед признанием Тайны как части реальности. Привычный определяющий нас позитивизм остается сокрытым, и мы этого практически не осознаем до тех пор, пока какая-нибудь драматическая ситуация не обнаружит его со всей силой.

Что же это за крепкая и ясная опора, способная устоять в данной ситуации? Что мы можем сделать? Какой путь можем пройти, чтобы не оказываться во власти любого обстоятельства, в постоянном страхе перед ничто? Интересно сопоставить ответ отца Джуссани с тем, что так часто даем мы. Некоторые постарались ответить нигилизму, возникающему в глубине души, «взывая» ко Христу, однако это не изменило сущности суждения. Иными словами: реальность есть и остается отрицательной, но у нас имеется лекарство, некая компенсация, ею становится Христос. С одной стороны, мы продолжали утверждать отрицательную онтологию (как делают все), а с другой, – обращались к вере (так сохраняется разрыв, годами обличаемый нами), однако понимание жизни, смерти, реальности осталось прежним, лишь облекшись в некую фидеистическую форму.

Джуссани идет по другому пути. Нигилизм подразумевает усеченный способ использования разума, который затем может быть точно так же перенесен на Христа. (Как часто, встречаясь с некоторыми обстоятельствами и фактами, мы задаемся вопросом: «Зачем мы должны произносить “Христос”?») Таким образом, если обойти проблему, то она вновь возникнет, так или иначе вновь предстанет перед Христом. Кратчайших путей нет, друзья.

Что же требуется, чтобы ответить на эту ситуацию, чтобы найти крепкую и ясную опору, в которой мы нуждаемся, чтобы пребывать в реальности по-человечески, чтобы обрести состоятельность, препятствующую кризисам, обстоятельствам, мнениям других людей поглотить нас?

И вновь на помощь нам приходит отец Джуссани.

Первое. «Внутренняя ложь нигилистической позиции состоит в очевидном отречении, состоит в том факте, что нельзя сказать, что все есть ничто, что в итоге за моей спиной – ничто: окончательное слово – ничто, в то время как вещи существуют. [...] Таким образом, с одной стороны, необходимо возвращение к очевидности, которую являет реальность, которой реальность является, и таким образом к тому, что она не может быть сведена и объяснена при помощи ничто»⁵. И что это за «очевидность, которую являет реальность, которой реальность является?» Иными словами: «Как существует реальность в своем бытии, как она является в опыте, то есть как она является разуму человека, из чего она состоит? Реальность, как она явлена человеку, создана Богом, “из” Бога. Бытие созидает из ничто, то есть делится Собой. Это восприятие обусловленности реальности, то есть того факта, что *реальность не созидает саму себя*»⁶. Внимание, друзья, будем опасаться того, что мы можем, как прочитали в письме, посчитать это само собой разумеющимся, уже слышанным, не принимая во внимание, не возвращаясь к подлинному использованию разума, помогающему нам не потеряться в реальности. Но все мы прекрасно знаем, как это подлинное использование разума не близко нам, как оно непривычно для нас!

Итак, так же как существует реальность, существую и я, являюсь частью этой реальности. Поэтому, – продолжает отец Джуссани, – «единственная истинная тайна: как я существую? В чем я состою? [...] Этот вопрос определяет онтологический, не этический уровень проблемы»⁷. Существование «я», его свободы, его исконных потребностей показывают что-то Иное, отсылают к Иному, это знак чего-то Потустороннего. Не имея этого осознания, пока это самосознание не стало привычным, я не существую. В этом состоит истинный масштаб сердца человека, и таким образом нас не может удовлетворить ни один суррогат (деньги, успех или власть). Мы постоянно призваны к истинной природе нашего «я», к истине того, чем мы являемся, поскольку ничто, кроме этого Иного, не может удовлетворить сердце человека и, следовательно, сердца всех людей в обществе. Но все мы знаем, сколь сильно влияние на нас всеобщего менталитета, он укоренился в каждом из нас и заставляет искать удовлетворения там, где его ищут все. Наша история всегда должна была считаться с непоследовательностью человека перед лицом истины христианского предложения, с тем, что мы всегда называли безнравственностью, сравнивая ее с подлинной нравственностью, являющейся постоянным стрем-

⁵ L. Giussani, «C'è perché è presente», in *op. cit.*, p. 12.

⁶ L. Giussani, *L'uomo e il suo destino*, *op. cit.*, p. 13.

⁷ *Ibidem*, p. 18.

лением к Бесконечности. Сегодня мы можем подтвердить это с еще большей ясностью; мы призваны к этому, и непоследовательность и ошибка одного человека – это призыв ко всем и к обращению каждого из нас.

Второе. «Однако, с другой стороны, в эту человеческую реальность, в эту человеческую жизнь вошел Бог. Не только неся Свое милосердие, Свое милосердное отцовское водительство, но вошел как рожденный от женщины человек. Бог, рожденный как человек из чрева молодой женщины, – это во всяком случае произошедшее событие, которое входит в сценарий человеческой жизни. С этой вестью появляется новый фактор, и он не может быть безнаказанно устранен, не может быть просто забыт»⁸, настолько он незыблем: христианское событие.

Так же как существование реальности, мы можем утверждать существование христианского события, оно незыблемо: «Я с вами во все дни до скончания века»⁹. И это событие приносит такой взгляд на человека, который не сводит его к какой бы то ни было ошибке. Именно этот взгляд мы увидим завтра во взгляде Христа на Закхея. Человек, в конечном счете, несводим к тому, что он делает; он является тем отношением с бесконечностью, которое Христос утверждал во взгляде на всех, кого встречал, прежде всего на грешников, до такой степени, что это становилось для всех соблазном, как происходит и сегодня. Именно потому что мы встретили этот взгляд, мы можем признавать свои ошибки и прегрешения, не оправдывая их, ибо человек никогда не перестает быть таковым, какими бы ни были совершенные проступки, – и нужно доказать, являются ли они преступлением. Поэтому признание объективности ошибки и необходимости ее исправления (то, что всегда присуще истинной позиции) никоим образом не влечет отрицание человека. Именно этот взгляд Христос принес в историю. Часто мы сами первые воспринимаем как искушение некоторые ошибки, свои или других людей («Как же это возможно?!»). Это не значит отвергать их, порицать или оправдывать; это значит иметь возможность посмотреть на них, чтобы начать все снова. Но на что опереться? «Возрождение человека в любом его интересе, в любом его выражении может исходить лишь из восстановления памяти о Христе, полного боли из-за забвения: память о Христе как обычное содержание нового самосознания христианина»¹⁰. Именно в этой памяти содержится источник нравственности как возобновление, как стремление постоянно, неустанно начинать сначала, какую бы ошибку мы ни совершили. Это нравственность каждого из нас и всего нашего народа. Если кто-то

⁸ L. Giussani, «C'è perché è presente», in *op. cit.*, p. 12-13.

⁹ Мф 28,20.

¹⁰ L. Giussani, «C'è perché è presente», in *op. cit.*, p. 13.

совершает ошибки, он всегда может подняться и начать снова; если мы совершаем ошибки, мы также можем обратиться к новому началу, иными словами, позволить воспитывать себя. Эта нравственность сохраняется только как стремление и просьба, если мы обращаемся как нищенствующие, смиренные и поэтому смиренные, с обновляющейся каждое утро уверенностью. Мы помним, как отец Джуссани всегда учил нас, повторяя слова Элиота: «Низкие, как всегда, плотские, своекорыстные, как всегда, жадные и близорукие, как всегда, / Но всегда они не сдаются, утверждают, возобновляют поход по пути, освещенному светом; / Мешкают, останавливаются, блуждают и возвращаются, но не идут по другому пути»¹¹.

Именно о таком обращении мы должны просить сегодня (в нем все больше нуждаемся мы все, мы все!): жить верой как опытом, поскольку, как говорил отец Джуссани, «вера, которая не могла быть обнаружена и обретаена в опыте настоящего, подтверждена этим настоящим, не могла быть полезной в ответах на его потребности, эта вера не была способна противостоять в том мире, в котором все, *все*, противоречит ей»¹².

Столь масштабная встреча не может осуществиться без вклада и жертвы каждого из нас, что проявляется во внимании к объявлениям, к молчанию, к даваемым указаниям. Каждый из этих моментов – способ, с помощью которого мы можем просить Христа, чтобы Он сжалился над нашим ничтожеством, чтобы даровал нам то обращение, которое делает нас действительно самими собой. Все мы знаем, как нуждаемся в этом молчании, позволяющем проникнуть в самую суть каждого сказанного нам слова, чтобы превратить это молчание в крик, в просьбу ко Христу, милующему нас.

¹¹ Т. С. Элиот, *Хор из «Камня»*, М.: Христианская Россия, 1997, с. 137.

¹² Л. Джуссани, *Рискованное дело воспитания*, М.: Христианская Россия, 2006, с. 24-25.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Святой Мессы: Деян 5,34-42; Пс 26 (27); Ин 6,1-15

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО

Перед лицом реализма Гамалиила (время покажет, от Бога это дело или от людей) во всей полноте проявляет себя власть, которая стремится устранить очевидность (они приказывают бить апостолов, настаивают на запрете говорить об имени Иисуса), стремится отрицать очевидность добра, неисчерпаемую положительность, и тогда, и теперь. Власть меняет способы воздействия (не стоит говорить об этом подробно, мы все прекрасно это понимаем), но в любую эпоху попытка отрицать очевидность, очевидность добра, неисчерпаемую положительность этого Присутствия происходит из страха новизны, или из ничто.

Но Евангелие показывает нам, что это и наше сопротивление, что это сопротивление Его учеников, которые, несмотря на то, что следуют за Ним и любят Его, в ответ на Его инициативу все сводят к своей мере. Это драматический диалог Христа с сопротивляющимися апостолами: их позиция кажется здравомыслием, реализмом, а на деле – это противостояние Его инициативе. Но Его непоколебимость не уступает льстивым словам воодушевленной толпы, толпы, которая через несколько часов оставит Его одного в синагоге, поддавшись искушению перед новизной Его послания. Незыблемость Господа – это Его сыновнее отношение, укорененное в Отце. Тот, кто это замечает, кто доверяется, живет той же незыблемостью, не собственными силами, но благодаря красоте человеческой очевидности, которой никто и ничто – ни власть, ни наша хрупкость – не может препятствовать.

Повествование Деяний заканчивается так: «И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (Деян 5,42). В храме (в Церкви), по домам (в мире, в любой сфере жизни, ничего не исключая) через хрупкость, бренность нашего существования вновь звучит этот взволнованный, пылкий Голос.

Суббота 21 апреля, утро

При входе и при выходе:

Людвиг ван Бетховен, Соната для фортепиано

Вильгельм Бакхаус, фортепиано

“Spirto Gentil” n. 22, Decca

Отец Пино. Мы только что послушали Сонату № 5 Бетховена – это произведение Гаэтано Корти в течение целого года по воскресным вечерам, не говоря ни слова, играл возвращавшемуся поздно вечером Джуссани, утомленному первыми насыщенными шагами своего дела. Постараемся вжиться в человеческую насыщенность, в трепет дружбы, которая является компанией для другого человека на пути к его судьбе. Эта человеческая насыщенность не есть результат особого темперамента, она происходит от сознания, того сознания, которое вмещает факт присутствующего Христа и поэтому является памятью, признанием происходящего сейчас.

Ангел Господень

Утренняя молитва

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

Следовать за Учителем

Начну с телеграммы Его Святейшества: «Достопочтенный отче, по случаю проведения Духовных упражнений для членов Братства “Общение и Освобождение”, проводимых в Римини, Вы пожелали выказать Святейшему Отцу Бенедикту XVI чувство преданной и исполненной привязанности близости, уверяя в особых молитвах за вселенское учительство Преемника Апостола Петра. Святейший Отец, выражая свою высокую оценку похвальной инициативы Братства, благодарит за выражение почтения и за сопровождавшие его благоговейные размышления и желает, чтобы опыт общения с живым Христом пробудил новые цели щедрого церковного свидетельства в плодородной почве, которую возделал выдающийся Священнослужитель монсеньор Луиджи Джуссани. Он также призывает обильное изливание пасхальных даров радости и мира и с большим удовольствием посылает Вам, всем участникам этой духовной встречи и вашим близким испрашиваемое Апостольское благословение. С глубоко-

чайшим почтением, искренне Ваш в Господе, монсьенор Анджело Беччу, заместитель Государственного секретаря Его Святейшества».

1. Самосознание «я»

«Действительно, когда нас все сильнее сжимает хватка враждебного общества, так, что посягает на яркость нашего выражения, и когда господство культуры и общества стремится проникнуть в наше сердце, усиливая уже от природы существующую в нем неуверенность, тогда *пришло время личности*»¹³ – говорил отец Джуссани в 1976 г.

И в 1990 г. на студенческом Собрании ответственных он настаивал на следующем: «Во всех обстоятельствах и ситуациях жизни, мира, истории у того, что важно, у того, с чего всегда можно начать, что поддерживает новизну, творчество, есть местопробывание, и это личность: это субъект, который называется “я” [...]. Чем тяжелее времена, тем важнее субъект, тем важнее личность»¹⁴.

Но также в 1998 г. он просит, чтобы ему задали этот вопрос, чтобы самому ответить на него – так сильно он хотел, чтобы мы это поняли: «Почему наше Движение так сильно настаивает на “я”, и почему это происходит только сейчас?» «Я сразу же реагирую на слова “только сейчас”, так как с самого начала в Движении главенствовала проблема личности! А личность – это индивидуум, личность – это индивидуум, который говорит “я”. Только мы на протяжении многих лет говорили (несколько опасаясь преувеличения), что “я” – это самосознание космоса, вселенной, то есть что вся реальность создана для человека. В христианском понимании целью Бога при создании мира было утверждение личности. Поэтому сейчас мы говорим, что весь космос достигает своей наивысшей точки, обретает самую высокую вершину в самосознании. Это словно пирамида, на чьей вершине возгорается самосознание. Сознание себя в природе, в природе всего созданного – это “я”. Поэтому мир, вселенная, космос имели бы значение, даже если бы существовало лишь одно “я”. Самосознание космоса – это словно вызов Бога: “Я созидал, чтобы существовало творение, осознающее тот факт, что Я есть все, творю все, создал все”. Действительно, религиозность – это сердцевина человека, сердцевина “я”, и выражается она как желание счастья, как разум, устанавливающий все определения, которые мы даем словам.

¹³ Conversazione tenuta agli Esercizi del CLU del 7 dicembre 1976; pubblicata in L. Giussani, «È venuto il tempo della persona», in *Litterae Communionis CL*, n. 1, 1977, p. 11.

¹⁴ Equipe del CLU, Milano, 10 febbraio 1990, Archivio CL.

Разум – это сознание реальности согласно всей полноте ее факторов. А нравственность – это связь между действием, действием “я”, сознательным действием и полнотой творения, порядком. Эти два определения являются основополагающими для понимания нашего “я”. Так или иначе, в первые годы, в первое десятилетие, прежде чем 68 год принес великий бунт, мучительно выдвигавший на повестку дня не столько “я”, сколько его действие в обществе, завоевание власти (потому что достижения науки были второстепенными по отношению к завоеванию власти, как оно тогда понималось), в первые годы, до 68 года тема, которой я всегда открывал Упражнения, состояла из одного высказывания Иисуса. [...] Слова Иисуса, которые я тогда часто повторял как постоянный *рефрен*, с 68 года стали повторяться реже, но сейчас мы вернулись к ним, поскольку результат политики или “революции” выявил чрезвычайные следствия недостатка сознания, самосознания “я”. Если “я” – это самосознание космоса, то самое большое преступление, которое может совершить “я”, – это незнание самого себя; напротив, оно должно осознавать себя. Иисус говорил: “Какая вам польза, если вы потеряете себя самих?” Более того, Он говорит буквально следующее: “Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?” Одно связано с другим, потому что если “я” является самосознанием космоса, самосознанием всего, то отношение с Творцом, с Бесконечностью, с тем, что нельзя измерить, с источником и судьбой всего совершается в “я”, в сознании “я” о самом себе. Это объясняет, почему все наши слова, содержание наших бесед всегда обращается к человечности, к человеческой ценности вещей; человеческая ценность – это ценность не “человечества”, а индивидуума, личности. Таким образом то, о чем я начал говорить в миланском лицее Берше, в первый же год положило начало *Религиозному чувству*, затем второму тому *У истоков христианского притязания* и позднее текстам о жизни Церкви, о ценности Церкви. Однако *лейтмотивом* или общей судьбой всего этого развития стала личность: понимание личности и того, что она должна делать, кто есть человек и что он должен делать, чтобы быть самим собой [...]. В наше время мы дошли словно до песчаного края сухости, человеческой пустыни, где субъектом страдания является “я”: не общество, а “я”, потому что ради общества убиваются все мыслимые и возможные “я”. Для нас же общество рождается из существования “я”. “Плодитесь и размножайтесь” – наставлял Бог Адама и Еву. Однако суть задачи Адама и Евы, сотворенных как отдельные личности, заключается в компании, которую они составляют друг другу, поскольку человек может жить, может познавать, питать себя самого только в компании другого, во встрече с другим.

Мы словно на песке, на песчаном крае ужасающего коллапса общественной жизни. И так как идеалом и целью власти является регулирование жизни всех людей (что прекрасно демонстрирует итальянское правительство), эта ликвидация свободы имеет драматические последствия, ибо мы не хотим быть рабами или подчиняться манипуляциям некоего централизованного механизма. Как в этой ситуации можно сопротивляться? Как противостоять превосходству власти, стремящейся занять такое положение, которое позволило бы ей определять все стороны человеческой жизни, вплоть до нравственных законов? Единственное средство, способное остановить наступление власти, – та вершина космоса, которой является “я”, и это – свобода».

Каждый из нас может сопоставить свой ответ с этим. Кто мог бы сказать такое? Кто указал бы именно на «я», на личность как на средство, препятствующее наступлению власти? Не будем считать это само собой разумеющимся, среди нас нет ничего более неочевидного, всеобщий менталитет столь сильно влияет на нас, что мы часто чувствуем себя частью механизма обстоятельств, мы пантеисты, мы понимаем себя как часть целого, где «я» исчезает, и тогда мы (как все) возлагаем свою надежду на власть.

Отец Джуссани настаивает: «Нам остается единственное средство: мощное возрождение христианского понимания “я”. Я говорю о “христианском” понимании не из предвзятости, но потому что лишь слова Христа, поведение Христа, лишь представление Христа о человеческой личности, о “я” – только это объясняет все бурлящие в нас, возникающие в нас факторы; поэтому даже самая остервенелая власть, ни одна власть не сможет, не смогла бы раздавить наше “я” как таковое, помешать “я” быть “я” [какое впечатление производят эти слова в нашей ситуации!]. [...] Таким образом настойчивое утверждение ценности “я” развивалось с самого начала, [...] это стало не только причиной дальнейшего углубления этого вопроса, развития религиозности как основополагающей категории “я”, но также и захватывающим источником отношения со всеми уровнями познания, это заставило нас обратиться к человеческому опыту, присущему самым гениальным людям, наиболее одаренным этой чувствительностью, отсюда к поэтам и ко всему выразительному творчеству человека. Таким образом вы понимаете, почему я обратился к Леопарди: он был тем автором, чье творчество я изучал больше всего (я выучил наизусть почти все его стихотворения), тем, в ком я обнаружил тот самый основополагающий вопрос. [...] И тем не менее слова Иисуса, которые я прочитал, трагичны, но трагичен и тот факт [это суждение касается нас], что я больше не слышал, чтобы кто-то повторял их, разве что изредка; ведь для нас они с самого начала стали подлинным ориентиром. Поэто-

му завершайте и развивайте сами эту динамику, которую мы поощряли на протяжении многих лет, динамику главной причины нашей дружбы, нашей компании и нашей дружбы [это основополагающая причина, без этого со временем дружба теряет для нас всякий интерес], которая есть свершение сердца, потребностей сердца, без чего единственным возможным исходом становится нигилизм»¹⁵.

Таково наше положение: наше «я» теряет состоятельность, мы стремимся к власти из страха перед этим нигилизмом, ищем удовлетворения там, где его ищут все, боимся потерять власть, как все.

Что такое «я», чтобы воспрепятствовать наступлению власти? В чем его состоятельность? Личность – это ее самосознание. Вся состоятельность «я» состоит в его самосознании. «Первое, что безотлагательно требуется для существования личности, для того, чтобы человеческий субъект сохранял крепость в ситуации, когда у нас отнимается все, чтобы обратить это в прах, – это *самосознание*, это ясное и любящее восприятие себя самих, исполненное сознания своей судьбы и поэтому способное на истинную привязанность к себе, освобожденную от инстинктивной тупости самолюбия. Если мы теряем эту идентичность, ничто не идет нам на пользу»¹⁶.

А что значит это ясное и любящее восприятие самих себя, исполненное сознания своей судьбы и таким образом способное к истинной привязанности к себе? Самосознание – это не интимизм, не интимистский самоанализ. Какая состоятельность может быть у такого анализа? «Сила этого субъекта, который называется “я”, сила личности, состоятельность этой личности не в интимности, не в интимном и отрешенном от всего обладании, освобожденном от всего, эта сила происходит от другой принадлежности». Какой принадлежности? «Величие субъекта, новизна личности исходит из принадлежности, сокрытой не в том, что происходит, не в придуманных и созданных нами земных садах; это принадлежность Тому, из чего все создано. Именно в отношении с происходящим есть то, что всему предшествует, что-то великое и признанное. Это придает содержание истинному протагонисту истории, истинно творческому месту истории, которым является субъект, личность, то есть “ты”, “я”. Но сила “я” и “ты”, сила субъекта, личности состоит в Чем-то ином, чему “я” абсолютно принадлежит и принадлежность Которому полностью признает. В этом прожитый опыт личности: признавать принадлежность

¹⁵ L. Giussani, «Accettiamo la vita perché tendiamo alla felicità», in *Tracce-Litterae Communio*, n. 5, 1998, pp. II-VI.

¹⁶ L. Giussani, «È venuto il tempo della persona», in *Litterae Communio* CL, n. 1, 1977, p. 12.

Тому, что меня создает»¹⁷. Поэтому, продолжая использовать разум рационалистически, постоянно подаваясь позитивизму, оставляющему нас лишь на поверхности, мы не живем (даже если находимся здесь) принадлежностью Тому, Кто нас создает. Тот, Кто нас создает, – это окончательное определение нашего сознания, поскольку самосознание состоит именно в признании принадлежности Тому, Кто меня творит. И для нас не является привычным осознание, о котором говорит отец Джуссани в десятой главе *Религиозного чувства*: «я есть Ты, творящий меня»¹⁸. Мы падаем, едва происходит что-то непредвиденное, но не потому что мы хрупки или из-за обстоятельств, из-за окружения... Давайте перестанем жаловаться! Мы падаем из-за нехватки этого самосознания. Потому что никакая власть этого мира не может уничтожить нас, какими бы ни были обстоятельства, если у нас есть такое самосознание, поскольку самосознание заключено не в физической силе или в возможности успеха, не в наших способностях. Наша сила, вся энергия нашей силы состоит в простом признании Того, Кому мы принадлежим, Того, Кто созидает нас сейчас. Потому что Господь есть все, но «не в силу наших чувств, нашего ощущения, что Он есть все; не в силу акта воли, нашего “решения”, что Он есть все; не в силу моральных причин, того, что Он “должен” стать всем, но по природе»¹⁹.

Каким образом мы все больше обретаем такое осознание? «То обстоятельство, что Господь есть все по природе, не является нам, однако, как плод мудрости, не вытекает из философских размышлений. То, что Господь – Господь потому, что Он нас образует, а следовательно, определяет жизнь, становится очевидным в ходе Его вмешательства в историю, через Его явление в истории. Бог открыл человеку лик его судьбы, открыв Себя Самого, назвал по имени человеческую судьбу через Свое Присутствие, Он вмешался в нашу жизнь, чтобы напомнить нам, что Он есть судьба человека, то “единое”, что может сделать жизнь человека человеческой»²⁰. Здесь отец Джуссани окончательно покоряет нас: «Важен именно субъект, но субъект – как мы уже сказали – это осознание события, события Христа, который стал историей для тебя через встречу, и ты признал Его»²¹.

Поэтому содержание самосознания – это память о Христе. «Возрождение человека в любом его интересе, в любом его выражении может

¹⁷ Equipe del CLU, Milano, 10 febbraio 1990, Archivio CL.

¹⁸ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, М.: Христианская Россия, 2004, с. 123.

¹⁹ Л. Джуссани, *В поисках человеческого лица*, М.: Христианская Россия, 1997, с. 16.

²⁰ Там же.

²¹ Equipe del CLU, Milano, 10 febbraio 1990, Archivio CL.

исходить лишь из восстановления памяти о Христе, полного боли из-за забвения: память о Христе как обычное содержание нового самосознания христианина»²². Ибо именно это содержание памяти определяет масштаб личности. И это относится к любому человеку: нет идентичности «я» без памяти, состоятельность личности человека заключена в его памяти. Таким образом, мы отличаемся от других содержанием памяти. Однако отец Джуссани сразу говорит о том, что мы ощущаем при произнесении этих слов. «Мужество признать, что основополагающая проблема заключается в том, чтобы сделать привычным желание памяти о Христе, осознание Его Присутствия, неизбежно превращается в требование чего-то абстрактного, которое присоединяется или накладывается на самые конкретные и неотложные проблемы»²³. Здесь вся суть: для нас все это абстрактно и поэтому не убеждает, мы чувствуем некоторую отдаленность Христа от сердца и тогда заполняем пустоту сердца чем-то другим. Мы стремимся заполнить ее, так как потребность нашего сердца очень сильна, и, если оно не наполнено Христом, который является чем-то реальным, захватывающим нас, мы сдаемся и начинаем искать полноту там, где ее ищут все, потому что «абстрактный Христос»²⁴ нас не наполняет!

Таким образом, вопрос состоит в том, как Христос становится содержанием самосознания, как растет в нас память о Христе, которая в состоянии преодолеть отдаленность нашего сердца от Него. Путь указал нам сам отец Джуссани, и этот путь прост: следовать за учителем. «Желание помнить о Христе зреет в нас как история, растет не автоматически, но, как всякая наша способность, в следовании за кем-то». И поскольку «мы не можем сами рассчитать нашу зрелость, то не можем сами выбрать учителя, мы должны лишь признать его. Учителя дал нам Господь, Он поместил его на нашей дороге, на пути, которым мы идем. Выбрать учителя самим означало бы выбрать кого-то, кто будет удобен, кто отвечает нашему вкусу, нашему желанию увидеть поддержку своим планам. Следовать значит отождествляться с критериями учителя, воспринимая его ценности, то, что нам сообщается, а не привязываться к человеку, который сам по себе эфемерен. В этом следовании кроется и живет следование за Христом. Не привязанность к человеку, но следование за Христом – причина следования среди нас»²⁵.

Необходимо следовать за учителем, как уже в самом начале христианской истории призывал святой Павел, дерзнувший сказать своим дру-

²² L. Giussani, «C'è perché è presente», in *op. cit.*, p. 13.

²³ L. Giussani, «È venuto il tempo della persona», in *op. cit.*, p. 12.

²⁴ Л. Джуссани, *В поисках человеческого лица*, цит.

²⁵ L. Giussani, «È venuto il tempo della persona», in *op. cit.*, p. 12.

зьям Филиппийцам: «Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас»²⁶. С тех пор христианство таким способом передавалось в истории, о чем совсем недавно напомнил нам Папа: «Начиная с Павла, на протяжении всей истории продолжались эти “воплощения” жизни Иисуса в живых исторических фигурах [...]. Святые свидетельствуют, как действует обновление и как нам начать служение Ему»²⁷. Именно поэтому отец Джуссани так часто повторял нам: «Каждый день ищите лица святых, чтобы найти покой в их речи». И на кого нам смотреть? За каким учителем мы следуем?

2. Путь отца Джуссани

Мы все признаем, что учителя, которого дал нам Господь, зовут отец Луиджи Джуссани. Прощение об открытии процесса канонизации – это знак нашего признания перед Церковью и перед миром. Значит, лишь следуя за ним, мы можем научиться преодолевать отдаление нашего сердца от Христа, не чувствовать Христа абстрактным, не сводить Его к объекту набожности. Поскольку значением жизни отца Джуссани стало именно то, что Господь, постоянно присутствующий в истории, в середине XX века пожелал даровать харизму как путь познания Христа именно в такой, как сейчас, культурной ситуации; поскольку культурный *гумус (почва)*, принесенный Просвещением в Европу, в значительной степени определяет то, как мы живем реальностью и верой (вспомним, что мы говорили в прошлые годы о разрыве между познанием и верой, сводящем веру к чувству, набожности или этике). Именно поэтому так важна история отца Джуссани: он жил в наших обстоятельствах и был вынужден отвечать на те же вызовы, встречаться с теми же рисками, должен был сам проделать тот путь, который он описывает во многих своих произведениях (как рассказывал наш испанский друг Игнасио Карбахоса на Упражнении «Меморес Домини» прошлым летом).

Отец Джуссани признается: «В первом классе лицея и для меня было так [сведение Христа к образку: к воспоминанию и набожности], когда я поставил на свой стол изображение лика Христа кисти Караччи, который не был уж таким великим художником, однако напоминал мне о Христе»²⁸. А на Духовных упражнениях священников в 1993 г. он говорил: «Бог родился от Богородицы две тысячи лет назад, и на протяжении дол-

²⁶ Флп 3,17.

²⁷ Benedetto XVI, *Omelia alla Santa Messa del Crisma*, 5 aprile 2012.

²⁸ Л. Джуссани, *Можно ли жить так?*, М.: Духовная библиотека, 2007, с. 270.

гих лет я представлял, что с Ним меня связывало то отношение, которое можно было бы назвать “набожностью”, выражавшейся в воспоминании о произошедшем факте. Но я чувствовал, что даже при всей серьезности таинства в такой позиции было что-то незавершенное, неполное»²⁹. Христианство, сведенное к набожности, было абсолютно незавершенным. Почему? Потому что христианство, сведенное к «набожности», к «воспоминанию», – это усечение христианства, в итоге теряющего исторические признаки телесности. Христианство, которое является событием Бога, ставшего человеком, со временем становится лишь воспоминанием о факте из прошлого или чувством, которое меня провоцирует, но это не то, что произошло в истории, оно не способно влиять на нас и отвечать на все ожидания сердца. Отец Джуссани продолжает: «Для меня было важно помнить о Нем. Но в этой позиции есть что-то неполное, что-то ошибочное, сводящее жизнь в вере к набожности»³⁰.

Отец Джуссани также должен был проделать определенный путь. И что позволило ему победить такое усеченное понимание христианства еще во время обучения в семинарии? Он сам рассказывает об этом: «Если бы в первом классе лица я не встретил монсьёра Гаэтано Корти, если бы я не посетил те немногие уроки итальянской литературы монсьёра Джованни Коломбо, позже ставшего кардиналом Милана, если бы я не встретил ребят, которые, слыша о том, что я чувствовал, распахивали глаза, словно от неожиданности сколь непостижимой, столь и желанной, если бы я не начал встречаться с ними, если бы ко мне не присоединилось все больше людей, если бы у меня не было этой компании, если бы у тебя не было этой компании, то Христос для меня, как и для тебя, остался бы лишь словами, объектом богословских размышлений или, в лучшем случае, призывом к набожной привязанности, обобщенной и смутной, которая конкретизируется только в страхе перед грехами, иными словами, в морализме»³¹.

Таким образом, если бы Джуссани не встретил этих конкретных людей, Христос остался бы лишь объектом набожности, благочестия, призывом к морализму (как часто мы видим это усеченное христианство вокруг нас). И в этом сила слова «современность»: если Христос не является современным, Он становится просто фактом прошлого, который никак не влияет на мое настоящее. Поэтому отец Джуссани говорил, что если бы он не встретил Корти, Коломбо, ребят и многих других, с широко открытыми глазами, как от неожиданности «сколь непостижимой, столь

²⁹ Esercizi dei sacerdoti di CL, La Thuile, 31 agosto – 3 settembre 1993, Archivio CL.

³⁰ *Ivi*.

³¹ L. Giussani, *Qui e ora. 1984-1985*, Bur, Milano 2009, pp. 209-210.

и желанной», то есть если бы он не увидел Христа присутствующего, действующего, изменяющего жизнь людей, Христос остался бы объектом набожного поклонения. Отношение же со Христом, с Богом, ставшим человеком, напротив, совпадает с отношением с людьми, подтверждающими, свидетельствующими о том, что Христос присутствует, но Он присутствует не потому, что они физически присутствуют (мы знаем много людей, которые присутствуют и при этом ничего не меняют), но потому, что живут такой насыщенной человечностью, которая свидетельствует о Его присутствии сегодня. Поскольку, для того чтобы сегодня свидетельствовать о Его присутствии через эту человеческую насыщенность, это изменение, необходимо, чтобы Он присутствовал. И свидетельство Его присутствия заключается именно в измененных людях, очарованных Христом, не потому что они не ошибаются (как будто свидетельство можно свести к последовательности!), но потому что даже через свои ошибки – в постоянной готовности исправиться – они свидетельствуют о Чем-то, что больше их самих. И эта Его современность через это изменение, эту насыщенность, через эту человечность, способную противостоять всему, эту способность жить полной жизнью начинает так влиять на нашу жизнь, что привлекает и пробуждает меня, и тогда все становится знаком Бога, до такой степени, что отношение с Ним отождествляется с отношением со всем, с каждым «ты». Все становится знаком. В истории великой любви все становится знаком. Именно поэтому мы повторили в Пасхальном плакате 2011 г.: «Христос – это то, что происходит со мной сейчас»³². Христос не является фактом прошлого, Христос – это то, что происходит сейчас. Эти слова абстрактны, это наше видение или это то, что мы не можем не признавать в некоторых людях, пробуждающих в нас всю нашу несколько сонную человечность, всю нашу способность желать, все наше желание полноты, от которого мы уже столько раз скептически отказывались? Только если перед нами есть такие люди, позволяющие нам лично удостовериться в том, что Христос происходит сейчас (настолько то, что мы видим, превосходит всякое наше воображение, всякую нашу мысль), мы можем признать Его современность.

Тогда понятно, почему сводить Его к набожности, к образку или к богословским размышлениям для отца Джуссани было чем-то неполным. Этот опыт Джуссани, эта его история есть дар для нашей жизни: жить современностью Христа в нашей ситуации возможно! Сам Джуссани свидетельствует нам об этом: «Христос – это имя, указывающее и определяющее реальность, которую я встретил в своей жизни. Встретил:

³² Пасхальный плакат, «Общение и Освобождение», 2011 г.

я слышал о Нем и раньше, в детстве, в юности. Человек может вырасти и отлично знать это имя, но многие люди так Его и не встретили, не пережили действительно как нечто присутствующее. А Христос столкнулся с моей жизнью, моя жизнь столкнулась со Христом именно для того, чтобы я научился понимать, что Он – узловая точка всего, всей моей жизни. *Христос – это жизнь моей жизни.* В Нем заключается все, чего я хотел бы, все, чего я ищу, все, чем я жертвую, все, что развивается во мне благодаря любви людей, вместе с которыми Он меня собрал. Как сказал Мёлер, слова которого я цитировал много раз: “Думаю, я не смог бы жить, если бы больше не слышал Его”. Я написал эти слова на образке Христа кисти Караччи, когда учился в лицее. Возможно, это одно из высказываний, которые я чаще всего вспоминал в своей жизни³³.

Кто не желает этого? Кто не желает, чтобы Христос все больше становился жизнью нашей жизни? Не только говорить о Христе, но даже не иметь возможности жить, не слыша Его голос. Чтобы сделать это своим опытом, отец Джуссани, как мы видим, должен был проделать определенный путь, который он затем предложил нам. Нам принимать решение, следовать за ним или нет. Его история имеет решающее значение и для нас.

Какие условия необходимы для этого пути?

Сам Джуссани говорил, отвечая на вопрос девушки из «Меморес Домини»: «Когда я проводил первое собрание священников (меня пригласили, так как я уже стал известен из-за той сотни студентов, собравшейся вокруг меня), на первый заданный мне вопрос: “Что ты посоветовал бы нам, молодым священникам?” – я ответил: “Будьте людьми!” “Что значит быть людьми?” “Будьте людьми! Чтобы быть хорошим священником, необходимо прежде всего быть человеком. Если вы люди, то вы чувствуете, что присуще человеку, понимаете его потребности и проблемы, живете отношением со всем тем, что становится присутствующим и распространяется от этого присутствия к вам. Стараясь ответить на все это, вы научитесь как истине всех вещей, так и истине Бога, который воплощает истину людей”». Мы подумаем: «Это он говорил священникам, а что делать нам?» Вот как продолжает Джуссани: «Так же я отвечу и тебе: будь человеком, живи истиной твоей человечности». Однако будем внимательны: наша человечность не определяется списком наших дел или того, что у нас не получается, так что все сразу сводится к этике. «Твоя человечность – это не то, что ты делаешь сейчас, это то, какой создал тебя Бог, сотворив тебя во чреве твоей матери, когда ты была маленькой... и сейчас ты вдруг снова становишься маленькой и простой, и плачешь,

³³ L. Giussani, *L'uomo e il suo destino*, op. cit., p. 57.

потому что нужно плакать, плакать естественно, или боишься, когда проблема, которую тебе нужно решить, трудна и ты чувствуешь, что у тебя не хватает сил на ее решение. Будь человеком, живи человечностью в своих устремлениях, в чувствительности к проблемам, в противостоящих тебе рисках, в верности тому, что неотложно звучит в душе, что Бог заставляет неотложно звучать в душе с самого начала; и таким образом, по твоей просьбе, реальность предстанет перед твоими глазами в истинном свете. Чтобы Бог мог мне ответить, соответствовать, удовлетворить меня, необходимо, чтобы я был тем, кем Он меня сотворил»³⁴. Мы все были созданы с этой человечностью, она есть у всех нас.

Именно эту честность по отношению к собственной человечности, такой, как создал ее в нас Бог, со всеми ее потребностями, устремлениями, не приручая ее, без усечения, ощутил в себе отец Джуссани; поэтому он видел в Леопарди трепет такой человечности, какой она была создана. «В тринадцать лет я выучил наизусть все поэтическое творчество Леопарди, потому что мне казалось, что те проблемы, которые он затрагивал, затмевали все остальные. Целый месяц я изучал одного только Леопарди»³⁵. Попробуем представить себе тот путь, который начал отец Джуссани, признав в Леопарди человека, выражавшего то, что чувствовал он сам: «Властительница сладостная дум, / До глубины пленившая мой ум [эта структурная несоизмеримость, эта потребность в жизни владела всем существом Леопарди до самой его глубины] / Ужасный дар небес, но милый мне [нам часто представляется ужасной эта безмерная глубина нашего чувства, и это настолько верно, что она кажется требующей разрешения проблемой, а не средством, данным нам Господом вместе с нашей человечностью]; / Подруга дней моих [потому что она всегда с нами], Все та же мысль – я неразлучен с ней [мы не можем избавиться от своей человечности, она неизменно возвращается]»³⁶.

От этой человечности не только нельзя избавиться, мы нуждаемся в ней! Почему отец Джуссани считает это решающим фактором? Почему это стало для него решающим? Потому что эта человечность была нам дана, чтобы признать Христа, чтобы признать Его во всей Его мощи, в Его притязании полностью привлечь мою человечность, ответить на мое желание, мое ожидание. Именно в ответе на это мое ожидание, на эту мою человечность, на эту потребность жить я могу познавать Христа. Поэтому набожности недостаточно, набожность не в состоянии ответить на эту потребность. Способен ответить лишь Христос, который

³⁴ L. Giussani, *Si può (veramente?!) vivere così?*, op. cit., pp. 61-62.

³⁵ L. Giussani, *Una coscienza religiosa di fronte a G. Leopardi*, Milano, 1984, *pro manuscripto*.

³⁶ Дж. Леопарди, «Неотвязная мысль», пер. А. Ахматовой.

не усекается нашими привычными мерками. И поэтому отец Джуссани постоянно настаивает, как мы видели это в начале книги *У истоков христианского притязания*: «Возможность не умалять христианство каким бы то ни было образом зависит от целостности и полноты восприятия и рассмотрения религиозного события как такового»³⁷, – то есть от нашей человечности.

Именно поэтому человечность Джуссани является частью харизмы, частью дара, который Тайна нам даровала в нем в определенном момент истории, чтобы свидетельствовать нам, что такое Христос. Поэтому, если мы начинаем избавляться от человечности, воспринимать ее как требующую разрешения проблему, мы неизбежно сводим христианство к набожности или к морализму и ищем удовлетворения там, где его ищут все.

Зачем отцу Джуссани была дана эта человечность, открывается в тот момент, когда Христос, как он говорит, в один «прекрасный день» во всей Своей мощи появляется на горизонте его жизни. Это событие наложило отпечаток на всю его жизнь и поэтому на всю харизму, и он сам назовет его наиболее решающим моментом своей культурной жизни. Это было в 1939 г., ему было пятнадцать лет. Представьте себе такую человечность, которую мы описали, человека, который целый год был поражен трепетом человечности Леопарди, потому что все остальное казалось ему второстепенным. Однажды преподаватель религии в семинарии, отец Газтано Корти, объяснял первую страницу Евангелия от Иоанна. «Вдруг он сказал: “Посмотрите, ‘Слово стало плотью’ значит, что ‘Красота стала плотью’, значит, что ‘Справедливость стала плотью’, значит, что ‘Истина стала плотью’. Красота, Справедливость, Истина были человеком, рожденным женщиной, ходившим по дорогам этого мира”. Это было словно молния, меня словно ударило молнией. Я всегда был влюблен в Леопарди. В одном стихотворении, которое мне всегда нравилось, «К своей Донне», Леопарди обращается к Донне с большой буквы, к Красоте с большой буквы и со страстью говорит: “Такого я не знал очарованья. / Ты – плод открывшихся мне откровений / И не приемлешь никаких сравнений”. И еще: “Угаснула надежда / С тобою повстречаться, / Покуда не пробил мой час прощальный. / Когда ж придется с жизнью мне расстаться, / Свободная от уз земных душа / Тебя узрит”. В этом озарении я вдруг понял, что “Слово стало плотью” преворачивало эту грусть. Эти слова возвещали, что эту Красоту

³⁷ Л. Джуссани, *У истоков христианского притязания*, М.: Христианская Россия, 2010, с. 7.

“действительно” можно найти на дорогах мира»³⁸. *Quid est veritas? Vir qui ades*³⁹.

«Любовь издалека / Внушаешь ты, сокрыв свой дивный лик, / И я храню пока / Во сне и наяву / Твой образ...»⁴⁰ И чуть ниже: «Угаснула надежда с тобою повстречаться; / Покуда не пробил мой час прощальный. / Когда ж придется с жизнью мне расстаться, / Свободная от уз земных душа / Тебя узрит»⁴¹. А затем тот отрывок, который все мы научились любить: «Коль вечная идея / Есть ты, но без телесной оболочки / (Ее счел недостойной сам Творец), / Тебе иная доля / Среди тех, чей смертный предрешен конец. / И, вознесясь над нашим жалким миром, / В небесных сферах ты не знаешь боле / Ни горя, ни забот, живя близ Солнца, / И дышишь среди звезд иным эфиром. / Прими с Земли любовное посланье / Безвестного певца в знак обожанья!»⁴² Здесь вся харизма Джуссани! То, о чем мечтал Леопарди, – чтобы вечная идея Красоты обрела «телесную оболочку» – стало событием в истории. «Это был самый решающий момент моей культурной жизни», – говорит Джуссани. Человечность отца Джуссани была столь широко распахнута, что христианская весть так укоренилась в нем и до такой степени очаровала нас при встрече, что побудила нас следовать за ним. «Это был самый решающий момент моей культурной жизни. Вера до такой степени связана с разумом, что я говорю “культурной”. [...] Вера отвечает потребностям сердца более, чем какая бы то ни было другая гипотеза; поэтому она более рациональна, чем какая-либо иная рациональная гипотеза»⁴³.

Такой вызов отец Джуссани вновь бросает сегодня каждому из нас, и мы знаем, что это не просто слова. В нем мы видели, до какой степени вера отвечает потребностям сердца, больше, чем какая бы то ни была гипотеза. Суть не в том, чтобы представить себе, что произошло две тысячи лет назад. Сейчас, в этой исторической ситуации, когда мы пронизаны рационализмом, когда наше человеческое умалется, когда власть стремится вырвать это благовестие из каждой клеточки нашего бытия, здесь, сейчас Господь даровал нам отца Джуссани, чтобы мы могли лично удостовериться в том, как вера отвечает на потребности сердца, превосходя все другие гипотезы. И поэтому она рациональнее любой иной рацию-

³⁸ L. Giussani, «L'intervista», in *Dimensioni Nuove*, n. 9, 1979, p. 21.

³⁹ «Что есть истина? Человек среди нас» (Ср. Святой Августин, «Комментарии к Псалмам» 84, 13).

⁴⁰ Дж. Леопарди, «К своей Донне», пер. А. Махова.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Л. Джуссани, *Рискованное дело воспитания*, цит., с. 36.

нальной гипотезы. Такова наша культура. «Вера предлагается как наивысшая рациональность, поскольку встреча с событием, которое несет веру, порождает опыт и невообразимое соответствие человеческому»⁴⁴. Этого не сможет у нас отнять никакая власть этого мира. Это самый великий вызов, когда-либо брошенный нам.

Это пожелание отца Джуссани своему другу Анджело Майо в 1946 г. и его пожелание сейчас – я в этом уверен – каждому из нас: «Желаю тебе, чтобы Иисус воплотился в твоём опыте с той окончательной неотвратимостью, с которой Он воплотился во чреве Девы Марии. Потому что самая великая радость жизни человека – это радость чувствовать Иисуса Христа живого и трепещущего в тканях наших мыслей и нашего сердца. Остальное – мимолетная иллюзия или отбросы»⁴⁵.

Именно таким образом Иисус не противопоставляется, не остается непричастным, удаленным от сердца. Христос – это то, что происходит сейчас, когда воплощается в нашей плоти, но, чтобы воплотиться в нашей плоти, необходима плоть, необходима человечность. Только тот может познать Иисуса, кто видит Его воплощенным в своем опыте, тогда он понимает, что есть Христос, «потому что самая великая радость жизни человека – это радость чувствовать Иисуса Христа живого и трепещущего в тканях наших мыслей и нашего сердца. Остальное – мимолетная иллюзия или отбросы». Мы не следуем за другими вещами не из-за морализма, просто все они представляются нам иллюзией. Следовательно, это все что угодно, но только не морализм!

И поэтому мы понимаем значение и благодать харизмы для нас, для ответа на нашу несостоятельность сегодня, для противостояния тому культурному климату, в котором мы сегодня живем, для противостояния нигилизму, для ответа на нашу неудовлетворенность. «В современном климате мы, христиане, были отчуждены не напрямую от христианских формул, не напрямую от христианских обрядов, не напрямую от христианских заповедей, мы отчуждены от человеческого фундамента, от религиозного чувства. У нас есть вера, которая больше не является религиозностью, вера, которая больше не отвечает, как должна была бы, на религиозное чувствование. Наша вера больше не сознательна, она не осмысляет себя. Как говорил мой давнишний автор Рейнольд Нибур: “Нет ничего более неправдоподобного, чем ответ на незаданный вопрос”. Христос – это ответ на вопрос, на человеческую жажду истины, счастья, красоты, любви, справедливости, конечного смысла. Если эта потребность

⁴⁴ Там же, с. 34.

⁴⁵ L. Giussani, *Lettere di fede e di amicizia ad Angelo Majo*, San Paolo, Cinisello Balsamo (Mi) 2007, p. 53.

не живет в нас, если она больше в нас не воспитывается, то на что нам Христос? То есть зачем нам нужна Месса, исповедь, молитвы, катехизис, Церковь, священники, Папа? Ко всему этому продолжают относиться с определенным уважением, в зависимости от регионов мира, они по инерции сохраняются еще некоторое время, но больше не являются ответом на вопрос, поэтому не имеют долгой перспективы»⁴⁶.

И эти слова Джуссани совпадают с замечанием в то время кардинала Ратцингера: «Кризис христианской проповеди, чью нарастающую силу мы ощущаем на протяжении этого века, зависит в немалой степени от того факта, что христианские ответы пренебрегают вопросами человека. Они были правильными и продолжают оставаться таковыми, но не оказали никакого влияния, поскольку не исходили из проблемы и не были развиты в ее рамках»⁴⁷.

⁴⁶ L. Giussani, *La coscienza religiosa nell'uomo moderno*, Centro Culturale "Jacques Maritain", Chieti, 21 novembre 1985, pro manuscripto, p. 15.

⁴⁷ J. Ratzinger, *Dogma e predicazione*, Queriniana, Brescia 2005, p. 75.

Суббота 21 апреля, день

При входе и при выходе

Людвиг ван Бетховен, Концерты 3 и 4 для фортепиано

Альфред Бнердель, фортепиано

Джеймс Левайн – Chicago Symphony Orchestra - Philips

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

Путь самосознания – это прожитый опыт

Как нам проделать тот же путь, который, как мы видели, пришлось пройти отцу Джуссани, чтобы стало возможным его пожелание своему другу Анджело Майо и нам, то есть чтобы Христос воплотился в нашем самом человеческом опыте, дабы преодолеть противопоставление Христа человеческому и таким образом победить отдаление сердца от Христа? Необходим путь, а не чудо (о чем мы так часто мечтаем), путь, от которого не был освобожден даже отец Джуссани. И для этого пути необходимы, как мы знаем из его опыта, два условия и метод.

1. Два условия и метод

а) Первое условие: неусеченное «я»

Первое условие – это неусеченное «я». Мы видели этот решающий фактор позиции отца Джуссани прежде всего в его опыте. Он много раз призывал нас (как мы продолжаем читать на Школе общины) помнить знаменитые слова Барбары Уорд: «Люди редко научаются тому, что они, как им кажется, уже знают»⁴⁸. Во время одной конференции в 1980 г. в миланском Культурном центре св. Карла он привел пример этого: «Фарисеи полагали, что уже знают, они не научились признавать это Присутствие [это не значит, что перед их глазами не было Присутствия, просто иметь его перед глазами недостаточно!], которое было ответом на их религиозное чувство, на всю их историю. Так и мы можем быть, как фарисеи, потому что “нет ничего – сколько раз я повторял эту фразу, с тех пор как прочитал ее – нет ничего более неправдоподобного, чем

⁴⁸ Cfr. B. Ward, *Faith and Freedom*, W.W. Norton & Company, New York 1954, p. 4.

ответ на незаданный вопрос”. Христос – это ответ на жажду человека жить отношением с Тем, что является его судьбой, значением того, что он делает, что ест, пьет, почему бодрствует и спит, зачем любит, зачем работает. Чем меньше это ожидание и желание живет во мне, тем меньше я могу признать ответ, когда он мне дается». Внимание: ответ мне дается, я могу формально повторять его, и, действительно, сколько раз мы повторяли христианские ответы, а сердце остается далеко, оно ищет удовлетворения в другом месте. «Именно это желание делает нас способными признать звучание Его голоса, когда он раздается в нашей жизни. Признать Христа, звучание Его голоса, звучание Его присутствия нам позволяет честность, искренность, насыщенность желания признать то, чем является Бог для моей жизни, для нашей жизни. [Есть множество примеров, когда мы оказываемся перед лицом одних и тех же фактов, тех же событий, и одни из нас поражены, захвачены, а для других ничего не происходит. Дело не в том, что фарисеи не видели чудес!] [...] Нет ничего более неправдоподобного, чем ответ на вопрос, который не ощущается, который не ставится. Поэтому самое важное не только для нехристиан, для тех, кто еще не признал Христа, или тех, кто Его не узнал в Его точных, ортодоксальных выражениях, но и для нас, христиан, живущих в Церкви, – это истинность нашего религиозного чувства, потому что тогда нашей жизни сообщается и реальность Христа. [...] Самое важное, для того чтобы понять, чтобы позволить Присутствию нашей судьбы среди нас, тайне Бога среди нас, Христу достичь и преобразить нас, это сохранять чистым, свободным, честным, искренним то религиозное чувство, которое является конечной составляющей нашего разума и сердца и выражается в жажде познания и в послушании Тайне [...]. Евангелие называет это “нищетою духа”, поскольку нищета духа, чистота сердца, так же как и голод и жажда справедливости – все блаженства суть синонимы, суть различные образы, указывающие на одно и то же: мы должны сохранять свободным, чистым, ясным наше религиозное чувство, то есть должны быть, используя другое слово, простыми. Источник, из которого мы исходим, на самом деле подсказывает нам быть “простыми, как дети”, как ребенок, который смотрит на свою маму, на все вокруг, – вот какими мы должны быть»⁴⁹.

Поистине блаженны алчущие признать ответ, которым является Иисус. Жажда и голод вовсе не являются проблемой, которую нужно устранить! Нет! В Евангелии Христос говорит об этих голоде и жажде

⁴⁹ L. Giussani, «Dal senso religioso a Cristo», in *Dove la domanda si accende*, a cura di C. Fornasieri e T. Lanosa, Itacalibri, Castel Bolognese 2012, pp. 53-56.

как о блаженстве! Мы блаженны, если мы алчем и жаждем, и Иисус называет блаженными алчущих и жаждущих, а не тех, кто молодец, кто не ошибается. Евангелие не утаивает никаких ошибок, даже ошибок Его друзей. Не в этом суть отличия. Он восхваляет этот голод и жажду, эту простоту ребенка, так как они необходимы для признания современности Его присутствия, и это второе условие для нашего пути.

б) Второе условие: современность Христа

Чтобы моя жажда и мое желание могли признать, что Христос – это Христос, необходимо Его присутствие, Его современность, нужно, чтобы Он предстал передо мной со всей внушительностью Своего присутствия.

Однако часто Его присутствие сводится к тому, что мы можем понять. Мы словно говорим: присутствие исторического лица, как в случае Иисуса, остается в истории, остается современным, как может остаться современным персонаж из прошлого, иными словами, через воспоминание о нем, через его учение, через провозглашенные им ценности. Притязание же христианства в том, что оно принесло в историю иную форму присутствия. В истории пребывает не только учение или ценности, но именно Его личное присутствие. Притязание Христа заключается в том, что Он Сам пребывает в истории как живое и актуальное присутствие, бросающее вызов нашей мере. Мы вспоминали об этом на Пасху: «Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь»⁵⁰.

Каким образом Христос пребывает как современное присутствие? Через тех, кем Он завладевает в Крещении. «Он уподобляет Себе всех людей, которых Отец дает в Его руки, всех, признающих Его, так что Его становление реально совпадает с видимым, осязаемым, конкретным явлением, которым является компания верующих, собрание верующих, Его таинственное тело»⁵¹. И это позволяет воскресшему Христу являть Себя сейчас в плоти тех, кто Его признает. «Именно в Его знаке, в знаке, который Он воздвиг, создал как местопребывание Своего реального присутствия, именно в Его знаке мы можем понять, познать и понять, и поверить Христу, что Он воскрес. Таким образом, событие Его окончательной победы, продолжающееся каждое мгновение, зарю конца мира, Его воскресение, Его победу мы можем видеть в Его знаке»⁵². Это значит, что современность Христа должна соответствовать характеристикам Его исторической личности и поэтому не может быть

⁵⁰ Мк 16,6.

⁵¹ L. Giussani, *Qui e ora. 1984-1985*, op. cit., p. 151.

⁵² L. Giussani, *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*, San Paolo, Cinisello Balsamo (Mi) 2002, pp. 151-152.

сведена к словам, этике или чувству, но должна быть присутствием, как постоянно напоминает нам Школа общины, присутствием, телесным, непоколебимым, привлекательным, которое легко признать, столь сильно оно соответствует ожиданию сердца. «Именно во плоти мы можем признать присутствие Слова, ставшего плотью; если Слово стало плотью, то именно *во плоти* мы находим его идентичным образом. [...] Если Бог стал плотью, стал человеком, то именно через *человеческую* реальность я могу это понять, иначе Его вочеловечение было бесполезным»⁵³.

в) Метод

Но именно из-за того что Он присутствует, явлен мне, моей жажде, для Его познания мне нужен определенный метод. Поскольку «объект [который мы хотим познать] заключается не в перечне предложений, не в правдоподобности хроники, а в достоверности свидетельства о живой личности, которая, единственная, претендует на то, что она есть судьба мира, Тайна, вошедшая в историю»⁵⁴, чтобы познать Ее, нужны два необходимых требования.

Первое требование – то, что отец Джуссани называет «совместной жизнью с Ним»⁵⁵. «Чем внимательнее я отношусь к жизни другого, то есть разделяю его жизнь, тем мне легче быть уверенным в нем. Необходимая гармония с объектом, к познанию которого человек хочет прийти, – это то живое расположение духа, которого можно со временем достичь благодаря совместной жизни. Например, в Евангелии именно тот, кто последовал за этим Человеком и разделил Его жизнь, а не толпа, жаждавшая исцелений, смог понять, что этому Человеку нужно довериться»⁵⁶.

Второе требование – понимание признаков, внимание к знакам. «Чем в большей степени человек является человеком, тем в большей степени он способен по немногим признакам достичь уверенности в другом. Это в прямом смысле человеческая гениальность»⁵⁷.

Итак, соблюдая эти два требования, мы можем отождествиться с учениками на их пути, но будем внимательны: это отождествление, из-за того что мы сказали ранее, не сводится к воспоминанию о прошлом или к размышлению над текстом, к заменяющим опыт комментариям (как мы обычно делаем!). Единственное подлинное отождествление – это уча-

⁵³ L. Giussani, *L'attrattiva Gesù*, Bur, Milano 1999, p. 123.

⁵⁴ Л. Джуссани, *У истоков христианского притяжения*, цит., с. 54.

⁵⁵ L. Giussani, *Il senso di Dio e l'uomo moderno*, Bur, Milano 1994, p. 64.

⁵⁶ Л. Джуссани, *У истоков христианского притяжения*, цит., с. 54.

⁵⁷ Там же, с. 54-55.

стие в настоящем, в их собственном опыте через совместную жизнь с современным Христом, и эта современность воспринимается на опыте в присутствии, несводимом к нашим попыткам подчинить его своей мере. Обратимся к одной из глав Школы общины.

2. Путь учеников: путь к уверенности

Я готов назвать пятую главу книги *У истоков христианского притяжения* нашей главой, главой пути, так как со всеми нами случилась встреча, и поэтому сейчас мы находимся здесь. И теперь необходимо углубление уверенности, потому что несостоятельность, которую мы столь часто обнаруживаем в себе, показывает, что эта уверенность во многих случаях хрупка, но не оттого, что мы Его не встретили, просто произошедшей встречи недостаточно для достижения уверенности. Данная глава описывает путь, проделанный учениками для углубления уверенности.

«Сейчас мы увидим, как утвердился исключительный характер встреченного события, как впечатление, хотя и без того очевидное, превратилось в убеждение [...]. При встрече с человеком, имеющим большое значение в нашей жизни, всегда есть первый момент, когда мы его предчувствуем; что-то внутри нас вынуждается очевидностью неизбежно признать: “это он”, “это она”. Но только повторение этого подтверждения, полного впечатления экзистенциальной важности, то есть только совместная жизнь позволяет ему все глубже укореняться в нас до тех пор, пока в определенный момент это не становится уверенностью»⁵⁸. Чтобы это пронизанное очевидностью впечатление стало уверенностью, необходимо, чтобы оно приникало в нас все сильнее, все глубже, чтобы это событие перестало быть внешним и поверхностным. И только совместная жизнь делает это возможным. То же самое случилось с нами. «В одном из эпизодов фильма *Андрей Рублев* Тарковский говорит устами своего персонажа: “Сам ведь знаешь, не получается что-нибудь или устал, намучился, и вдруг... с чьим-то *человеческим* взглядом встретишься, и словно причастился, и все легче сразу” [X/ф *Андрей Рублев*, реж. А. Тарковский, “Мосфильм”, 1966 г. (44-я минута)]. Христианское событие обнаруживается, открывается во встрече с легкостью, тонкостью и внешней несостоятельностью мелькнувшего в толпе лица: обыкновенного лица, но столь отличающегося от других, что от встречи с

⁵⁸ Там же, стр. 63-64.

ним все словно становится проще. Ты видишь его одно мгновение, но, уходя, уносишь в себе столкновение с этим взглядом, словно говоря: «Мне хотелось бы снова увидеть это лицо!»⁵⁹

а) Путь убеждения

Так начинается путь убеждения: из желания снова увидеть это лицо. Но только тот, кто соглашается погрузиться в совместную жизнь, может достичь уверенности, придающей нам состоятельность. Путь убеждения заключается именно в этом. И этот «путь «познания» получит в Евангелии еще много подтверждений, то есть много раз будет нуждаться в поддержке, так, что выражение «и уверовали в Него ученики Его» будет неоднократно повторяться, до самого конца. Это познание будет медленно превращаться в убеждение, и никакой последующий шаг не будет опровергать предыдущих»⁶⁰. Необходимо, даже вопреки нашему мнению, подчеркнуть слово «медленно». И я добавлю: «Слава Богу!» Поскольку, если это происходит внезапно, неожиданно, мы так же внезапно можем усомниться. Но если это происходит в дождь, в жару, когда у нас много проблем, когда темно, то и в трудный момент мы не сможем сослаться на то, что все придумали, находясь в эйфории. Господь ведет нас медленным путем, но этот путь имеет решающее значение именно для достижения по-настоящему прочной уверенности, которой никто не может поколебать, так глубоко она проникла в ткань бытия. Попробуй усомниться в уверенности в своей маме! Попробуй, ведь эта уверенность насквозь пронизывает тебя!

«Совместная жизнь станет подтверждением той исключительности, той инаковости, которая поразила их с первого момента. Это подтверждение укрепляется в совместной жизни». Таков путь познания, это не видение, не магия, не что-то волшебное, что минует вовлечение нашей человечности и происходит практически вопреки нам самим, словно вдруг, неосознанно, без вовлечения нас самих и без драмы, в общем, как чудо, не как путь (мы мечтаем об этом). Мы часто воспринимаем уверенность и таким образом веру совершенно абстрактно, словно речь идет о том, что возникает в нас без повода, без объяснимой причины. Напротив, «Евангелие свидетельствует нам о том, что зарождение и утверждение веры – это путь последовательной череды признаний [то есть частью моей веры является путь убеждения], для которых необходимы пространство и время. Здесь перед нами в евангельском свидетельстве воплощен тот же методологический подход, о котором мы говорили в предыдущей

⁵⁹ L. Giussani, «In cammino», in *Tracce-Litterae Communionis*, n. 2, 2000, pp. VIII-IX.

⁶⁰ Л. Джуссани, *У истоков христианского притязания*, цит., с. 64-65.

главе. Познание объекта требует пространства и времени. И это тот закон, который тем более не может быть опровергнут объектом, претендующим на уникальность»⁶¹. Для уникального объекта, каким является Христос, нет специального метода. Христос подчинился тому же методу, чтобы мы смогли достичь в Нем такой же уверенности, как и в чем угодно другом.

б) Открытие человека, не имеющего Себе равных

В своей совместной жизни ученики, как и мы сегодня, оказываются перед человеком, не имеющим Себе равных.

Итак, давайте просто прочитаем, как я это делал со своими семинаристами, описание одного из многих проведенных вместе с Иисусом дней: «Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие. Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков. И они тотчас, оставив свои сети, последовали за Ним. И, пройдя оттуда немного, Он увидел Иакова Зеведею и Иоанна, брата его, также в лодке починивающих сети; и тотчас призвал их. И они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, последовали за Ним. И приходят в Капернаум; и вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил. И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники. В синагоге их был человек, одержимый духом нечистым, и вскричал: оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий. Но Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотрясаши его и вскричав громким голосом, вышел из него. И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему? И скоро разошлась о Нем молва по всей окрестности в Галилее. Выйдя вскоре из синагоги, пришли в дом Симона и Андрея, с Иаковом и Иоанном. Теща же Симона лежала в горячке; и тотчас говорят Ему о ней. Подойдя, Он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им. При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых. И весь город собрался к дверям. И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос. А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился. Симон

⁶¹ Там же, с. 65.

и бывшие с ним пошли за Ним. И, найдя Его, говорят Ему: все ищут Тебя. Он говорит им: пойдем в ближние селения и города, чтобы Мне и там проповедовать; ибо Я для того пришел. И Он проповедовал в синагогах их по всей Галилее, и изгонял бесов»⁶².

«Теперь попробуем, – говорит отец Джуссани, – представить себе небольшую группу людей, которые на протяжении недель, месяцев, лет видели нечто подобное ежедневно. Эти первые друзья Иисуса, к которым присоединились и другие, каждый день все больше убеждаются в исключительности, чрезмерности Его личности»⁶³. Дело не только в умозаключении. Дело в том, чтобы мои глаза, моя чувствительность, мой разум, вся моя человечность были поражены произошедшим; так же как наши глаза, наша чувствительность, наше поведение были поражены нашей мамой столь сильно, что сейчас мы не можем произнести «мама», не включая в это слово все, что случилось с нами в отношении с ней. Это не то умозаключение, которому можно противопоставить другое, это постоянное повторение некоторой внушительности. Представьте себе, как ученики ежедневно возвращались домой; возможно, они не стали добрее или не перестали ошибаться, но их взгляд все больше проникался тем, что они видели: они не могли возвратиться домой, не унеся с собой увиденные чудеса, Его власть над природой, над болезнями, Его исключительный ум, Его доброту. Присутствующее событие легко признать даже ребенку. Но все это действительно и для нас. Мы не можем заменить их опыт комментариями или размышлениями на эту тему! Какой уверенности можно достичь с нашими комментариями?.. Лишь осуществляя этот опыт учеников, мы способны достичь уверенности, достигнутой ими. То, что они видели, сталкиваясь с человечностью человека Иисуса Назарянина, видим и мы, встречаясь сегодня с Его ликом в человечности людей, измененных сегодня встречей с событием признанного и принятого Христа. И мы с вами на протяжении недель, месяцев, лет видели и видим (достаточно вспомнить то, что мы всякий раз рассказываем при встрече) один за другим удивительные, исключительные факты, черты более истинной и желанной человечности, иной, потому что более полной. Мы видим радость даже среди боли (как в недавних свидетельствах тех из нас, кто потерял близких или друзей); немислимое бескорыстие в мире, где все просчитано; щедрость дружбы там, где господствует ужасающее одиночество; единство жизни и людей там, где царит разделение; неустанную созидательность даже в самых трудных ситуациях, когда обычно опускаются руки.

⁶² Мк 1,14-39.

⁶³ Л. Джуссани, *У истоков христианского притязания*, цит., с. 66.

Сегодня мы видим инаковость, исключительность, избытие Его присутствия, и последний пришедший легко признает это и облегчает и наше признание (потому что мы сами уже больше не удивляемся!). Вот что мне пишет одна студентка: «Мы с другом подарили плакат и пригласили на собрание девушку с первого курса, с которой познакомились в начале года во время встреч в учебных группах. Уже и раньше она говорила нам: “Ваша дружба особая. Не такая, какую заводим с соседями по парте; ваша дружба требовательна, вы много слушаете, вы всегда говорите нужное слово в нужный момент, и потом видно, что не вы сами придумали все это, видно, что кто-то научил вас жить таким образом. Ваши отношения прекрасны, живы и насыщены”. Потом она пришла на собрание. “Сказать по правде, несмотря на то, что я христианка, до сих пор я ничего захватывающего в вере не находила. Если бы меня спросили, что мне кажется самым захватывающим, то я назвала бы ваш опыт. Мне интересно, как вы живете. Приглашайте меня на свои встречи, и я обязательно приду. Быть может, это путь, на котором я смогу лучше понять свою веру”. Во время разговора с этой девушкой рассеялись все мои беспокойства и сомнения (например, я спрашивала себя, как я могу говорить о Христе?), так как, слушая ее, я чувствовала в себе головокружительную позицию по отношению к Тому, кто делал возможным происходящее на моих глазах. Я хорошо поняла, что хочет сказать Джуссани, когда говорит, что вера – это событие, простое признание того, что происходит. Эта девушка, столь четко описывающая опыт, которым я живу уже много лет, заставляла меня вновь оказаться перед фактом Христа и возможностью признать Его. И тогда во мне родилась потребность просить, все больше прирасти к тому, что сделало и продолжает делать мою жизнь и отношения – как она говорила – прекрасными, живыми и насыщенными, и все больше воспитываться к простоте, такой, какая была у нее перед происходящим».

Понимаете? «Самым великим чудом, которое поражало учеников ежедневно, было не исцеление расслабленных, не очищение прокаженных и не возвращение зрения слепым. Самым великим чудом было то, о чем мы уже упоминали: тот взгляд, который пронизал человека, от которого невозможно было укрыться. Нет ничего, что покоряло бы человека так, как тот взгляд, который постигает и распознает то, чем человек является, который открывает человеку его самого. Иисус видел глубины человеческой души, никто не мог сокрыться от Него, для Него в глубинах сознания не оставалось никаких секретов. Так, например, в эпизоде встречи у колодца с самарянкой, Он рассказывает ей всю ее жизнь, и именно это она передает своим односельчанам во свидетельство величия этого чело-

века: “Он сказал мне все, что я сделала!” Так было и с мытарем Матфеем, которого все считали грешником, потому что он состоял на службе у римских властей и собирал подати, и которому Иисус, проходя мимо, просто сказал: “Следуй за Мной”. И тот, признанный, понятый, принятый, оставил все и последовал за Ним. То же самое произошло с начальником всех мытарей, самым ненавистным человеком во всем Иерихоне, Закхеем. Иисус, окруженный многочисленной толпой, проходя по улице, а Закхей, будучи маленького роста, из любопытства забрался на дерево, чтобы увидеть Его. Иисус приближается к тому дереву, останавливается, пристально смотрит на Закхея и говорит ему: “Закхей!” и затем добавляет: “Сойди скорее; ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме”. Что нашло на Закхея? Что заставило его, исполненного радости, поторопиться? То, что он намеревался сделать со своим большим богатством, желание возвратит сполна несправедливо полученное, раздать половину того, чем он владеет, бедным? Что перевернуло и изменило его? Просто он был пронзен и принят тем взглядом, который признавал его и любил таким, какой он есть. Способность постичь сердце человека – это самое большое, самое убедительное чудо»⁶⁴.

Взгляд, который Иисус принес в историю, остается в ней, и через него мы можем продолжать тот же опыт, что у Матфея и Закхея, как пишет мне наша новая подруга. «Здравствуйте, меня зовут Паола, и я пишу Вам из Африки. Вы меня не знаете, но мне хотелось бы поблагодарить Вас, поскольку моя жизнь действительно изменилась, изменяется. Благодаря встрече с Движением я сейчас верю в то, что Христа можно достичь, что Он действительно присутствует среди нас. Я не должна больше огорчаться оттого, что меня не было там, когда Иисус говорил Своим апостолам: “Следуй за Мной”. Это “следуй за Мной” Он говорит мне прямо сейчас. Вся моя жизнь окрасилась в другие цвета: я встаю, благодарю Бога, и затем я готова к новому приключению, так как знаю, что Он скажет мне: “Следуй за Мной”. Я не могу упустить эту возможность, я должна быть очень внимательна; и как прекрасно думать, что и я могу смотреть на других тем же взглядом, что и Христос, какое возникает желание выходить утром из дома! Этот вызов делает жизнь достойной проживания. Как мне не благодарить Вас? Никто не показывал мне Христа таким образом. Я могла бы умереть, не узнав, что мир так прекрасен. Все началось, когда несколько месяцев назад я встретила здесь, в Африке, девушку из “Меморес Домини”. Возможно, у нее был взгляд Христа, у нее очень выразительные глаза. Она заглянула вглубь меня и увидела красоту там, где я

⁶⁴ Там же, с. 68-69.

никогда ее не видела. В это мгновение я впустила ее в свое сердце, и она принесла в него Христа. Ее глаза сияли, когда она говорила о Нем. Как ей можно не поверить? Сейчас я каждую неделю хожу на Школу общины, хотя иногда здесь ужасные пробки, так как не хочу, чтобы угас тот энтузиазм, который я чувствую в себе. Я попросила себе часослов, выучила наизусть молитву “Ангел Господень”, я читаю “Трачче”, у меня есть время молчания, хотя по дому носятся племянники и дети. Я готова во всему, чтобы оставаться такой же радостной. Меньшего мне недостаточно. Благодарю Бога, отца Джуссани, Вас и “Меморес Домини”. Как было бы здорово, если бы кто-нибудь после встречи со мной однажды пришел к Вам, чтобы рассказать то же самое!»!

Это взгляд, вошедший в историю, взгляд, пребывающий в ней. Это значит, что возможно жить тем же опытом, что и апостолы две тысячи лет назад. Двух тысяч лет больше нет. Сегодня она может участвовать в том же самом опыте, а не просто комментировать опыт апостолов.

Этот взгляд не меняется, даже если человек совершил серьезную ошибку: «Все началось с одного поручения год назад. Близкий друг рассказал мне об одном разведенном человеке, который находится под домашним арестом из-за серьезных проблем со здоровьем. Это была сложная ситуация, сам этот человек сказал мне, что уже восемнадцать лет отсидел в тюрьме, и ему оставалось еще двенадцать. Он считал, что ему повезло, так как два пожизненных срока ему сократили до тридцати лет. Долгое время отношения с ним совершенно не складывались: каждый раз, когда я к нему приходил, он претендовал на большее и дошел до того, что просил меня оплатить квитанцию за свет, пойти купить ему кофе, оливковое масло... однажды он даже дал мне список продуктов, которые я должен купить в магазине. Каждый раз я спокойно объяснял, зачем прихожу, зачем существует “Банк Солидарности”, но мне казалось, что я напрасно теряю время, мне хотелось просто убежать. Однажды совершенно неожиданно он спросил меня: “Почему вы продолжаете с таким вниманием смотреть на меня, убившего семнадцать человек?” В этот момент я спросил себя: что же он во мне увидел? И здесь мне открылось нечто новое. Мы стали друзьями, его практически больше не интересовали приносимые мной продукты, я часто приходил к нему без пакета, просто чтобы пообщаться с ним. Сейчас как неожиданное и столь желанное чудо в моей жизни, после тридцати шести лет в Движении, начиная с этого случая, о котором я теперь постоянно помню, ничто – ни отношения с моей женой, ни взгляд на моих детей, внуков, ни отношения с друзьями из Братства и с коллегами по работе, ни сложности некоторых вечерних обходов – ничто больше не душист меня. И

при этом все осталось прежним, обходы остались теми же. Изменилась только музыка. Я никогда не мог бы подумать, что после стольких лет и стольких событий, которые я считал само собой разумеющимися, может случиться такая неожиданная встреча, такая отрада, наполняющая мое сердце тихой радостью».

Сегодня мы, как и ученики, находимся перед непоколебимым Присутствием. Вот что пишет мне одна девушка: «В феврале 2011 г. я встретила девушку из Движения, которая иногда по работе приезжает в город, где я тоже работаю. Мы познакомились и стали общаться. И происходило так, что, глядя на одни и те же обстоятельства (на Мессу, спектакль, отношения с друзьями), она выносила одно суждение, а я совсем противоположное, но ее суждения просто обезоруживали меня. И в какой-то момент я была вынуждена прийти к выводу, что ей повезло больше, чем мне, не потому что дела у нее идут хорошо, а потому что ее взгляд отличается от моего, и этот взгляд поражает меня, он включает все факты, обстоятельства, людей... в общем, он более истинный, больше соответствует мне, чем мой взгляд». Это воодушевило ее все больше следовать по пути, предлагаемому на Школе общины, и однажды она поняла, что и она теперь иным образом смотрит на привычные вещи, и этот иной образ взгляда принадлежит не ей, а Христу. «Я вкушаю, что значит смотреть на все глазами Бога, смотреть на вещи с правильной стороны, в их истинном свете. Эта полнота позволяет моей человечности расцветать таким очевидным образом, что даже мои коллеги, те, кто рядом со мной, замечают это и думают, что я нашла себе жениха. Это действительно приключение, которое усиливает стремление к Нему, и я наконец могу совершить плавание за Геркулесовы столпы». Все вокруг пытаются объяснить себе происходящее, и единственное, что почти всегда приходит на ум, это что она нашла себе жениха.

в) Возникновение вопроса и вторжение уверенности

Этот взгляд, который никто не может у нас отнять, постепенно проникает вглубь жизни и в какой-то момент рождает в учениках вопрос: «Продолжим дальше мысленно представлять себе, какого рода подтверждением должно было быть время, проводимое с Иисусом, для тех, кто был с Ним ежедневно. Иисус в любых обстоятельствах предстает как существо, превосходящее любое другое; в Нем что-то было, некая “тайна”, потому что никто и никогда не обладал такой мудростью, авторитетом, властью, добротой. Это впечатление, как мы уже говорили, становится все более определенным только у тех, кто вовлекается в постоянную совместную жизнь с Ним, у Его учеников. Но исключительность этого

человека была такова, что невольно возникал парадоксальный вопрос: «Кто Он?» Парадоксальный потому, что все прекрасно знали, откуда Он, кто Его родители, где Его дом»⁶⁵.

Этот же вопрос часто возникает и сегодня. Сколько раз нас спрашивали: «Кто вы? Как у вас получается быть такими?» Сколько раз мы это слышали, и как часто у нас самих возникает такой вопрос при взгляде на людей, о которых мы можем знать массу историко-биографических данных, и все же в них есть что-то ускользающее, какая-то тайна, что-то, делающее их другими.

Прочитаю вам еще одно письмо: «Вчера со мной произошло событие, наполнившее мою душу изумлением, вопрошанием и благодарностью. Я занимаюсь научной работой, и иногда для экспериментов мне приходится переезжать в другую лабораторию. Вчера одна девушка на работе с самого утра была чем-то расстроена и сокрушалась по поводу некоторых рабочих вопросов. После обеда она вдруг посмотрела на меня и спросила: “Послушай, почему ты всегда такая оптимистка? Что делает тебя такой радостной?”» Этот вопрос возникает перед лицом уникальной исключительности.

Отец Джуссани пишет: «Этот вопрос показывает, что никто самостоятельно не может сказать, Кто же Он на самом деле. Можно лишь констатировать, что Он отличается от всякого другого человека, что Он заслуживает полного доверия и что, следуя за Ним, человек ощущает ни с чем не сравнимую полноту жизни [как та полнота жизни, которую заметила девушка из письма]. Поэтому люди спрашивают Его о том, кто Он. Только друзья, когда Он отвечает им, верят Его словам благодаря очевидности бесспорных знамений, внушающих доверие. Враги же не приемлют этого ответа и решают погубить Его»⁶⁶. Это чрезвычайно важно: проделан ли этот путь, становится очевидным, когда наступает драматический и прекрасный момент, описанный в шестой главе Евангелия от Иоанна. После того как Он накормил толпу с помощью умножения хлебов, люди захотели сделать Его царем. Однако здесь проявляется инаковость Иисуса: зная, что человек нуждается не только в хлебе для жизни, но в чем-то большем, чтобы жизнь стала достойной проживания, полной, Он начинает говорить о Себе как о хлебе жизни, об отношении с Собой как с Тем, что питает жизнь. Он хорошо понимает, что, только если человек позволяет питать себя Его плотью и кровью, он сможет жить по-настоящему, столь сильна его нужда. «Вы ищите Меня

⁶⁵ Там же, с. 72.

⁶⁶ Там же, с. 72-73.

не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились»⁶⁷. Но «если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни»⁶⁸.

После такого заявления начинаются недоразумения. Они хотели сделать Его царем, что же Ему еще нужно? А именно здесь появляется Его непоколебимость, незыблемость Присутствия, которое, к нашему счастью, не приемлет ослабления, подстройки под наши прихоти, поэтому незыблема и наша надежда; она раздражает нас, но это наша надежда. «Кем Ты Себя возомнил?» И Иисус не уступает перед этим искушением, не хочет снизойти до компромисса, даже со Своими друзьями, Он не говорит им: «Хотя бы вы останьтесь, не покидайте Меня». Нет! Он вновь бросает вызов: «Не хотите ли и вы отойти?»⁶⁹ В этом вопросе проясляется все уважение Иисуса, все почтение к свободе апостолов и в то же время Его уверенность в том, что у них есть все, чтобы вынести суждение, разумно ли оставаться с Ним. Поэтому Он совершенно не боится задать им этот вопрос. Иисус не шадит их свободы, не отвечает за них, но призывает их к ответу, так, что им приходится ответить, осознать то, что они видели, найти причины остаться. Можем себе представить, с какой силой убежденности из каждой клеточки Петра вырвалось восклицание: «Господи, мы тоже не понимаем Твоих слов, но если отойдем от Тебя, то куда нам идти? Только у Тебя есть слова, объясняющие и открывающие смысл жизни»⁷⁰.

Можно повторять эту фразу формально, не замечая той насыщенности, с какой Петр произнес эти слова. Однако повторение известной фразы отличается от живого опыта. Если слова не рождаются из опыта, в драматический момент они не сохраняются, и достаточно чего-то непредвиденного, чтобы заронить в нас сомнение. Мы можем увидеть это и сегодня в том, как мы реагировали на происходящее: «Не хотите ли и вы отойти?» И это заставляет нас сейчас отдать себе отчет в том, зачем мы здесь остаемся. Вся тьма, все замешательство, все одиночество Петра не смогли уничтожить объяввший его личность опыт. В этом состоятельность “я”: оно сильнее, не потому что находится на стороне большинства, но потому что его состоятельность основана на описанном опыте – это месяцы, годы, сотканые, определенные фактами, о которых мы говорили. Если у нас нет такого опыта, любой момент, любая трудность, болезнь, кризис, любое непредвиденное обстоятельство, беспоря-

⁶⁷ Ин 6,26.

⁶⁸ Ин 6,53.

⁶⁹ Ин 6,67.

⁷⁰ Ср. Ин 6,68.

док, любое искушение или ошибка обрушит все. Прекрасно, что и Петр пережил подобное, потому что он словно говорит нам: «Такое может случиться» – и указывает нам путь, чтобы остаться. Если мы следуем по пути, о котором свидетельствуют Евангелия, мы сможем достичь такой уверенности, которая, к нашему же собственному удивлению, способна устоять в любых испытаниях.

г) *Пример нравственной уверенности*

Как приобретается эта уверенность?

«Постоянное повторение этого впечатления исключительности, складывающегося благодаря совместному пребыванию, определяло убеждение в том [убеждение, а не чувство или состояние души], что довериться Иисусу в высшей степени разумно. С течением времени они обрели по отношению к этому человеку беспримерную уверенность»⁷¹.

Исключительность личности Иисуса вызывала суждение, приводившее к такой привязанности, что, даже если бы все ушли, ученики остались бы. Тот факт, что они были способны достичь такой уверенности, означает, что она доступна всем нам, всем, кто следует по их пути среди всех хороших или плохих потрясений и обстоятельств.

Поэтому неправда, что мы можем достичь уверенности только в научной или философской сфере: мы можем достичь и о Христе беспримерной уверенности, такой, которая привязывает нас к Нему несокрушимой любовью. А «любовь – это суждение разума, увлекающее за собой всю нашу чувствительность»⁷². Однако суждение – это не что-то для интеллектуалов, для посвященных. «Суждение – это взгляд на бытие, которое воспринимается глазами ребенка». В жизни нет ничего проще, это могут даже дети! «Ответ на реальность, возникающую перед моими глазами, – это изумление. [...] Уверенность рождается именно отсюда [из этого изумления], очевидность уверенности рождается именно отсюда, и если это не так, она становится определением власти...» Очевидность обладает такой силой, что рождает уверенность в том, кто позволяет себе изумляться, как ребенок. Очевидность столь непоколебима, что мы не можем управлять ею, мы сами охвачены очевидностью. Мы можем просто сказать: сначала я удивляюсь, потом замечаю, что удивился. Но если у меня нет простоты признать очевидность и я пытаюсь управлять ею, то моя жизнь определяется моей властью над очевидностью. Не властью других надо мной, но моей властью над тем, что происходит, и тогда это уже не

⁷¹ Л. Джуссани, *У истоков христианского притязания*, цит., с 75.

⁷² Л. Джуссани, *Я, власть, дела*, М.: Христианская Россия, 2004, с. 67.

любовь, не послушание тому, что всему предшествует: я нахожусь под гнетом своей власти, я жертва собственной власти. Так мы остаемся в одиночестве под собственным гнетом, одни со своей властью, то есть со своим ничто. Поэтому, когда отец Джуссани настаивает, что любая уверенность рождается из изумления, он указывает на решающую задачу: недостаточно просто видеть вещи, необходимо, чтобы то, что мы видим, очевидно перед нашими глазами была воспринята с готовностью изумляться. Либо я следую за этим изумлением (ученики тогда, а мы сегодня) и подчиняюсь очевидности того, что вижу, прирастаю к этой очевидности, либо сам решаю, за чем следовать, и моя власть преобладает над происходящим. На самом деле, жизнь и является этой борьбой между изумлением и властью: либо сдаться очевидности (то есть позволить себе прилепиться к Его притягательному присутствию), либо противостоять ей (предпочитая собственный интерес и собственные предрассудки).

Все Евангелие проникнуто этой диалектикой, и если вы хотите увидеть ее в действии, прочитайте девятую главу Евангелия от Иоанна, отрывок про слепорожденного. Здесь вы сможете пронаблюдать, что значит состоятельность «я», позволяющего определить себя очевидности произошедшего. Какая состоятельность нужна, чтобы бороться против всего и всех, противостоять им и сровнять их с землей! Ничто, ни вся диалектика фарисеев, ни все благоразумные доводы не могли поколебать его в простом прирастании к очевидности: «Прежде не видел, теперь вижу». Вся власть этого мира не смогла вызвать в нем даже тени сомнения. Почему? Потому что уверенность рождалась из изумления, из очевидности, к которой он прирастал, и это наделяло его умом для борьбы против всех, таким умом, от которого мурашки по коже.

Этот эпизод хорошо проясняет то, о чем говорит Джуссани: содержание самосознания – это очевидность произошедшего, вся уверенность рождается здесь. Мы видим самого последнего, самого невежественного, слепорожденного человека, который никогда ничего не видел, в столкновении с фарисеями, единственными образованными людьми в то время. Однако это не помогло им победить простоту человека, склоняющегося перед очевидностью. Поэтому я всегда цитирую слова испанского философа Хавьера Субири: «Разуму присущи не его предполагаемые очевидности, не его эмпирическая или логическая строгость, но в первую очередь сила впечатления от реальности, согласно которой глубинная реальность принудительно устанавливается в чувствующем интеллекте»⁷³. Альтернатива следованию за очевидностью – соглашательство. Джанни

⁷³ X. Zubiri, *Inteligencia y razón*, Alianza Editorial, Madrid 1983, pp. 95-96.

Ваттимо пишет: «Мы не говорим, что приходим к согласию, когда нашли истину, но говорим, что нашли истину, когда пришли к согласию»⁷⁴.

Поэтому Иисус предоставляет учениками столько времени, сколько им необходимо для достижения уверенности, и не отвечает на вопрос о своей личности вплоть до того момента, когда они сами уже решили, потому что у них есть все необходимое, чтобы решить. Какое величие свободы! Становится понятно, почему Джуссани на протяжении пятидесяти лет бросал вызов чистой свободе всех, как это делал Иисус.

3. «И уже не я живу, но живет во мне Христос»

Все, что мы до сих пор сказали, в обобщенном виде можно найти в первой части выступления отца Джуссани на площади Св. Петра 30 мая 1998 г. Это выступление является его свидетельством в конце жизни перед всей Церковью. Прошу вас потом неторопливо и внимательно его перечитать.

«“Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?” Ни один вопрос в жизни не поразил меня так, как этот. [В этом заключаются проблема жизни: что есть человек? Что есть “я”? В чем заключается моя состоятельность?] Ответить на него мог лишь один Человек на свете, задавший другой вопрос: “Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?” Это вопрос, который заключает в себе все утверждение человеческого “я”, которое никто никогда не слышал. Ни один вопрос не потряс меня так, – чтобы перехватило дыхание – как этот вопрос Христа! [этот вопрос несет в себе все утверждение “я”]. Ни одна женщина не слышала другого голоса, который говорил бы о ее сыне с такой неподдельной нежностью и безусловным уважением к плоду чрева ее, с такой абсолютно позитивной оценкой его судьбы [здесь заключается не только вопрос, это самое положительное утверждение, которое можно высказать о человеке, и даже собственная мать не в состоянии так утверждать свое дитя, она начинает умалять его через мгновение после рождения], – только голос еврея Иисуса из Назарета. Но более того, ни один человек не мог слышать утверждения его самого как абсолютной ценности, вне зависимости от его успехов. Никто никогда в мире не говорил ничего подобного! Только Христос принял в Свое сердце всю мою человеческую сущность, не умаляя ее. Этому изумлялся Дионисий Ареопагит (V в.): “Кто может сказать о человеколюбии Христа миротворящего?” Я

⁷⁴ R. Girard – G. Vattimo, *Verità o fede debole?*, Transeuropa, Massa 2006, p. 32.

повторяю эти слова вот уже более пятидесяти лет [...]. Простота сердца [вот как он достиг такой уверенности!] – вот что позволило мне ощутить и признать исключительность Христа с уверенной непосредственностью, какая бывает, когда с неоспоримой и несокрушимой наглядностью подступают такие события и мгновения, которые, появляясь на нашем личном горизонте, поражают до самого сердца. Признание того, чем является Христос в нашей жизни, без остатка захватывает все наше жизненное сознание: “Я есмь путь и истина и жизнь”»⁷⁵.

Так Христос пронизывал все существование отца Джуссани. Если мы просты в признании исключительности Христа с той уверенной непосредственностью, как происходит при признании неоспоримой и несокрушимой очевидности некоторых моментов, то мы обретаем такую уверенность, что никто не может ее у нас отнять, не потому что мы молодцы, а потому что это признание совпадает с самосознанием «я», всецело проникнутым Христом, Его памятью, Его присутствием. Путь, пройденный отцом Джуссани и предлагаемый нам, единственный позволяет нам изнутри опыта достичь понимания слов святого Павла: «И уже не я живу, но живет во мне Христос». «“Я, но больше не я”»: такова формула христианской жизни, основанной на крещении, формула воскресения внутри времени, формула христианской “новизны”, призванной изменить мир»⁷⁶ – говорит Бенедикт XVI. То, что Христос начал в крещении, экзистенциально становится моим в опыте, тот захвативший меня Христос становится экзистенциально моим в опыте, только если я проделываю этот путь. Это единственный способ победить любой нигилизм. Совместная жизнь со Христом изменяет жизнь таким образом, что Он перестает быть чем-то внешним, Он внутри нашего «я»: и уже не я, но Христос живет во мне.

Марио Луци пишет: «Я утверждаю, что христианская полнота судьбы – это / быть готовым к событию, позволить его силе нас объять, / чтобы переделать и переплавить нас»⁷⁷. Именно это изменение мы видим в тех, кто позволяет увлечь себя так, как отец Джуссани рассказывает о расслабленном: «Иисус стоит в дверях одного из домов и проповедует, и множество людей, желающих Его послушать, преграждают проход к Нему. В полдень надлежало обедать, но Он, как рассказывают Евангелия, забывал даже поесть. Он словно не мог оставить нуждающихся. И вот приходят двое, неся на носилках расслабленного [...]. Христос поворачивается,

⁷⁵ Площадь св. Петра, Рим, 30 мая 1998 г. цит. по Л. Джуссани – С. Альберто – Х. Прадес, «Прочертить след в истории мира».

⁷⁶ Бенедикт XVI, Речь перед участниками IV Национального конгресса итальянской Церкви, Верона, 19 октября 2006 г.

⁷⁷ М. Luzzi, «Libro di Ipatia», *Teatro*, Garzanti, Milano 1993, p. 76.

пристально смотрит на него и говорит: “Уповай: прощаются тебе грехи твои”. С пронизательностью, со своей чрезвычайной пронизательностью Иисус угадывает депрессию и нравственную слабость, обычно сопровождающие продолжительную болезнь (двадцать лет быть прикованным к постели), и это очень точное психологическое наблюдение. Затем Он исцеляет его, и это словно вызов фарисеям, возмущенным Его словами: “Доверься, прощаются тебе грехи твои”. Только представьте себе этого человека, встающего с постели... [...] Представьте этого расслабленного, освобожденного, стоящего на ногах, среди всех, как все остальные люди. И все смотрят на него с любопытством и испугом перед этим странным, сверхъестественным (по меньшей мере, странным) фактом, произошедшим на их глазах. Затем он последует за Ним и поймет многое из того, что Он говорит. Однако главное понимали все: Он сказал, что является Мессией. Эта истина Христа настигла его вместе с тем фактом, что в дом он попал на носилках, а вышел из него свободным. Его отношение с Богом, его молитва в этот вечер, его ежедневное посещение храма в дальнейшем, его ощущение жизни при виде заходящего и восходящего солнца, или когда он затем каждое утро ходил на работу с душой, исполненной благодарности, с душой, наполненной таинственным страхом, страхом и трепетом по отношению к этой тайне Бога, достигшей его в этом Человеке, который его исцелил... в общем, чувством по отношению к Иисусу, то, как он говорил, что Иисус – Мессия (а он говорил об этом и другим, так как потом стал ходить за Ним, стал Его учеником), как вместе с другими ходил по деревням провозглашать, что Царствие Божие уже среди них (потому что среди них Иисус), как он действовал, как думал о своем прошлом (обо всем маразме, которому он поддавался: низости, упадке духа, проклятиях), как обращался с домашними, как они теперь относились к нему, – все это начиналось с осознания самого себя, с ощущения собственной личности, чей облик был изменен, рожден воспоминанием о том, как Иисус захватил его, как Иисус настиг его, как Иисус отнесся к нему, как он узнал Иисуса.

А Магдалина стоит на тротуаре и с любопытством (как все женщины, но она в особенности) смотрит на толпу, которая следует за этим Иисусом, называющим Себя Мессией (через несколько месяцев Его убьют). Иисус же, проходя мимо, даже не останавливаясь, бросает на нее взгляд. С этого мгновения она не сможет больше смотреть на себя, видеть себя и мужчин, людей, свой дом, Иерусалим, мир, дождь и солнце, не сможет больше смотреть на все это иначе, чем внутри этого взгляда. Когда она смотрела себя в зеркало, ее облик определялся этим взглядом. Во всем был этот взгляд, понимаете? Ее лицо сформировано этим взглядом. Собы-

тие по-разному настигло расслабленного и Магдалину. Это тот же самый Иисус, тот же объект веры, отличается лишь облик, в котором Он предстал перед ними; и этот облик остается с ними на всю жизнь. Всю свою жизнь расслабленный смотрел на себя, будучи определенным словами “Я прощаю тебя”, воскресившими его и в физическом смысле. Магдалина смотрела на всю свою жизнь, в частности и в целом, объятая этим взглядом, за которым не последовало ни единого слова. Лишь через несколько дней, когда фарисеи пригласили на трапезу называемого пророком Иисуса, желая подловить Его, она вошла туда, ни у кого не спрашивая разрешения, и бросилась к Его ногам, омывая их слезами и вытирая волосами; все смутились (“Если бы Он был пророком, то знал бы, какая женщина смотрела на всю свою жизнь, в целом и в частности, чувствовать ее, жить ею иначе, чем внутри этого взгляда”⁷⁸).

Каким образом Событие достигает меня сегодня? Мы это видели: через харизму. «Этим способом Событие настигает тебя и формирует твой облик, твою личность. Говоря “я”, я обозначаю личность; когда кто-то говорит “я”, он обозначает личность; каждый из вас, говоря “я”, обозначает личность. Все мы люди, но личности у нас разные, мы по-разному сформированы, так как я получил бытие от своих отца и матери; тайна бытия достигла тебя через твоих отца и мать, которые отличаются от моих, и поэтому она сформировала иной облик. Способ, которым Событие достигает тебя, определяет твою личность, наделяет тебя чертами, навсегда присущими твоей личности. И это хорошо видно в людях, серьезно воспринимающих Иисуса. Когда есть такие люди, то среда мгновенно разогревается, трепещет с новой силой, она более подвижна, динамична: эти люди могут не двигаться, они могут сидеть, но среда переполняется движением, она изобилует иными предложениями и иными словами и требует, чтобы ты говорил, изменяя слова или выбирая слова, которые приспособлялись бы к различным способам восприятия, к различным личностям.

Тот же способ, которым Событие достигает тебя, формирует твою личность, если ты к нему прирастаешь. Если ты к нему прирастаешь, иными словами, если присутствие Тайны – Событие – настигает тебя, захватывает, и ты принимаешь его; в страхе и трепете, но принимаешь. Тогда оно меняет твой облик. Уточняю: оно выявляет всю ту способность, которой ты являешься, оригинальность, какой ты являешься, твою гениальность. Как говорит Мигель Маньяра: “Отчего же я не знал раньше, что у меня добрая душа!” Харизма – это тот способ, которым тебя

⁷⁸ Giussani, *Dal temperamento un metodo*, Bur, Milano 2002, pp. 3-6.

достигает Событие. Ты расслаблен, оно настигает тебя; и ты всю жизнь будешь исходить из этого воспоминания; даже не замечая, будешь исходить из этого воспоминания. Твой облик, твой характер формируются, то есть твой характер усилен, высвечен этим воспоминанием. Через харизму ты становишься самим собой. “Отчего же я не знал раньше, что у меня добрая душа!” (говорит Мигель Маньяра, преступник, убийца). И харизма достигает тебя всегда через слова, беседу, а точнее, через встречу. Встреча: ты встретил эту компанию, способ, которым тайна Иисуса, Иисус, присутствие Иисуса в истории постучалась в твой дом. Сейчас – сейчас! – Он точно так же стучится в твой дом, ибо Он есть “вчера, сегодня и всегда”. Ты становишься самим собой, следуя за этой компанией, то есть стараясь воспринимать жизнь так, как воспринимает ее эта компания, воспринимать отношения так, как побуждает делать эта компания, как наставляет тебя компания, каким примером становится компания (поэтому важен тот, кто старше, или тот, у кого есть авторитет). Ты становишься самим собой, если послушен, если живаешься в характерные черты этой компании [...].

Тогда задача заключается не в том, чтобы соблюдать какие-то правила, а в том, чтобы отождествиться с определенным духом, с определенным менталитетом, с определенной чувствительностью; то есть отождествиться с определенной харизмой (используя обобщающий термин), с тем способом, которым тайна Бога, ставшего человеком, убедительно достигла тебя и сказала: “Приди!” “Куда? Куда идти?”, – спросил ты. “В эту компанию”. Как Он тебя встретил? Через эту компанию. Когда ты живаешься в эту компанию, твой облик, твой характер, твоя личность оживает, возрождается; ты обнаруживаешь, что чувствуешь, делаешь, понимаешь то, что и представить себе не мог (это становится понятным прежде всего в обычных вещах, так как именно в обычных вещах становится понятным то, о чем никогда бы не подумал: “Как прекрасно! Я читал это двести раз и никогда этого не замечал!”). Это порог бесконечности, порог вечности, но порог вечности, который находится в собственных глазах, в биении сердца, в своем осознании, в первую очередь, в собственном взгляде на реальность, в своем собственном уме, в собственном прочтении реальности, которое становится свежим чтением, как у ребенка или у мудреца, вещей, написанных черным по белому, чего раньше и представить себе было нельзя⁷⁹.

Способ, которым Событие достигает тебя и изменяет твой облик, – это харизма отца Джуссани. Через нее мы можем увидеть, как можно жить реальностью, проживать даже самые драматические ситуации в

⁷⁹ *Ibidem*, pp. 6-8.

новизне этого взгляда, в способности радоваться, которая иначе была бы невозможна.

Одна из вас написала мне следующее: «На одной из встреч Школы общины я задавала себе вопрос, почему мне так хочется кричать всем о причине, которую я открываю в том факте, что мне казалось невозможным переживание драматических ситуаций с внутренней радостью. Несмотря на то, что я собственными глазами видела это в близких мне людях, в конечном счете, я не верила, что так может быть и для меня». Это удивление оттого, что в нас происходит то, о чем мы не могли и подумать.

Во время своей поездки на Кубу Папа сказал: «Церковь живет, чтобы сделать других участниками единственного, чем она обладает, и это не что иное, как сам Христос»⁸⁰. Если мы так живем, то можем всем свидетельствовать, чем является Христос и какую новизну Он приносит в жизнь.

Поэтому отец Джуссани заботился о появлении новых субъектов, способных свидетельствовать об этом: «Мы должны сотрудничать, помогать друг другу в возникновении новых субъектов, то есть людей, осознающих событие, которое становится для них историей. Иначе мы можем создавать организационные сети, ничего при этом не созидая, не давая миру ничего нового. Поэтому расширение Движения измеряется воспитанием личности к вере: признанным событием, которое становится историей. Христос стал для тебя историей, так как прикоснулся к тебе через то, что мы называем встречей, что каким-то образом проникло в тебя, стало чем-то важным в твоём бытии. И таким образом у нас есть кто-то, в ком мы признаем себя, в ком признаем всецельность нашей личности, у нас есть кто-то, в ком мы признаем ценность мира и целостность мира. Все вытекает из доверия этому чему-то, на что мы можем смотреть, чему-то большему. Но влияние на окружающую среду, на общество происходит именно благодаря признанию этого события, жизни в вере, доверию этому чему-то большему, из чего мы созданы, что стало нам компанией. Все это делает нашу личность иной, изменяет нас, каким-то образом меняет нас; и поэтому мы становимся нарушителями невыносимой нормальности и восхваляем истинную нормальность, то есть нормальность отношения с бесконечностью: малое становится великим, все становится великим. И это раздражает других, потому что отнимает у них любой повод для мятежа и насилия»⁸¹.

В этом заключается наш вклад в современный мир сегодня, когда мы повсюду видим смятение.

⁸⁰ Benedetto XVI, *Omelia alla Santa Messa nella Plaza della Revolución di La Habana*, 28 marzo 2012.

⁸¹ Equipe del CLU, 10 febbraio 1990, Archivio CL.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Святой Мессы: Деян 6,1-7; Пс 32 (33); Ин 6,16-21

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МИКЕЛЕ БЕРКИ

«Это Я» (Ин 6,20). Наше сердце ждет этого веского слова. Мы ежедневно нуждаемся в этом могучем и уверенном утверждении. Нам нужно слышать его каждый день, во всех обстоятельствах, во всей реальности вокруг нас.

«Это Я»! Если Он не приходит к нам, когда волнуется море, когда усиливается ветер... мы тщетно силимся грести!

«Это Я»! Это Ты! Ветра и волны, сквозь которые мы плывем, утихают. Они утихают не потому, что меняются обстоятельства, но потому, что наше сердце больше не подвластно волнам, ты больше им не подвластен. Мир, который Он приносит в твое сердце, – это более великое чудо, чем усмирение ветра и волн.

«Это Я, не бойтесь!» Как всегда, Господь говорит о самом главном. Возможно, до этих Упражнений мы ответили бы: чего бояться? Но, наверное, именно страх притаился в глубине нашего сердца. Страх, который, как мы сказали в эти дни, коренится в нашей неуверенности; это страх перед реальностью, неподвластной нашему контролю, представляющейся нам враждебной, страх неудачи, страх, что все окажется иллюзией, страх, что мы не выдержим, страх за детей, за друзей, за работу, страх перед всей реальностью. И страх не пройдет, оттого что мы крепче прижмемся друг к другу. Если Его не будет с нами, как бы мы ни старались сплотиться, сколько бы ни повторяли друг другу: «Не бойся», мы будем только еще больше бояться. Чем больше мы стараемся сплотиться, тем сильнее накрывается лодка.

«Это Я, не бойтесь!» Только Ты, Иисусе, можешь сказать нам: «Не бойтесь!» Только Ты. Как красивы слова евангелиста, который в ту ночь был в той лодке; он говорит как бы мельком: «Они хотели принять Его в лодку» (Ин 6,21). Хотели. Он мог бы написать: «Христос вошел в лодку», «Христос присоединился к ним»; но евангелист написал: «Они хотели». Для нас это примечание полно смысла и ясности. Нам прекрасно известно: ничто не происходит автоматически, нужна наша свобода – они хотели. Я желаю, прошу иметь такое желание.

Единственная наша задача – желать Тебя. «...и тотчас лодка пристала к берегу» (Ин 6,21). Точно такой же глагол Иоанн использует, говоря, что Иисус идет к Отцу. Наша судьба совпадает с Его присутствием, с Ним,

присутствующим среди нас, в нас. И мы наконец пристаем к берегу, прикасаемся, достигаем наконец реальности в ее истине.

Мы только должны хотеть принять Тебя в лодку. Тебя, идущего по волнам, чтобы прийти к нам, чтобы в жизненных перипетиях мы не оставались в одиночестве.

Воскресенье 22 апреля, утро

При входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт, «Большая Месса» до минор, К. 427 (417a)

Барбара Хендрикс, сопрано I – Жанет Перри, сопрано II – Петер Шрайер, тенор

– Бенджамин Люксон, бас

Wiener Singverein – Гельмут Фрошауер, руководитель хора – Давид Белл, орган

Герберт фон Караян – Берлинский филармонический оркестр

“Spirto Gentil” n. 24, Deutsche Grammophon

Отец Пино. В чем разница сейчас, в это мгновение, между благочестивым воспоминанием, повторением молитвенной формулы и возможностью позволить этому всеобъемлющему факту, который не нуждается в добавлениях, уточнениях, исправлениях, анализе, снова ранить, привлечь нас, стать для нас стимулом? Отец Джуссани ответил нам 30 мая 1998 года словами, которые вчера напомнил Каррон: «Простота сердца – вот что позволило мне ощутить и признать исключительность Христа с уверенной непосредственностью, какая бывает, когда с неоспоримой и несокрушимой наглядностью подступают такие события и мгновения, которые, появляясь на нашем личном горизонте, поражают до самого сердца».

Ангел Господень

Утренняя молитва

■ СОБРАНИЕ

Давиде Просперни. Цель собрания не в том, чтобы закрыть проблему, закрыть возникшие в эти дни вопросы, но, наоборот, – открыть их, обратить на них наше внимание, чтобы то, что мы пережили, стало уверенным шагом на пути. От вас поступило множество вопросов, многие спрашивают, что делать, как помогать друг другу, что помогает ответить на вызов, брошенный нам в эти дни? Сохраняя верность предложенному методу (не рассчитывайте, что это будет чудо или волшебство, это будет путь), мы не можем давать рецепты, это было бы обманом. Мы выбрали те вопросы, которые позволяют нам глубже понять, о чем идет речь, поскольку именно это помогает в пути. Конечно, каждый идет в своем

темпе, но это нас не пугает, а наоборот, помогает получать еще больше удовольствия на этом пути.

Первый вопрос: «Что значит, что моя человечность, как она есть, дана мне, чтобы признать Христа, что она является помощью, а не проблемой?»

Хулиан Каррон. Как мы сказали вчера, подтверждением того, что наша человечность является помощью, человечность в том виде, как она была нам дана с самого рождения, с этой исходной открытостью, распахнутая навстречу реальности, самым простым описанием которой является любопытство ребенка, – подтверждением этого является тот факт, что Христос назвал «блаженным» человека, сохраняющего такое отношение, признающего собственную человечность, собственную исходную открытость. Евангельские блаженства – это не список нравственных предписаний, обязательных к соблюдению, это не новые десять заповедей, как часто думают. Блаженства – это способ поведения, и Иисус особо выделяет такое поведение, поскольку оно является условием признания Христа. Сотворив нас, Он вложил в нас безграничное желание, чтобы иметь возможность разделить с нами полноту, которой Он живет внутри Троицы. Он пожелал сотворить нас, таких жалких, таких ничтожных, с нашим сердцем, открытым полноте, чтобы мы смогли принять Его, чтобы нам стать причастными полноте, радости, которой переполнена Его тайна, Его бытие. Наша человечность в том виде, как она создана, является условием для обретения этого сознания, осознания, Кем Он является. Поэтому отец Джуссани говорит, что факт существования кого-то, какого-то существа, которое может Его признать, есть вершина творения, вершина реальности.

Итак, тот, кто обладает такой полной открытостью, тот блажен. Но мы часто совершаем двойное умаление. С одной стороны, мы умаляем сердце, то есть наше до предела распахнутое существо со всеми нашими потребностями в красоте, истине, справедливости, любви, полноте, мы умаляем его до чувства, и с другой стороны, – умаляем реальность до видимости. Чтобы помочь нам избежать этой опасности, Джуссани постоянно напоминает, что реальность становится прозрачной в опыте. То, чем мы являемся, природа нашего сердца становится очевидной в нашем отношении с реальностью. Не в абстрактном размышлении о нашем сердце или о реальности, но в столкновении с реальностью, полностью пробуждающем потребности нашего сердца, всю потребность в смысле, в счастье. И тогда я открываю, чего желаю. Итак, сердце вовлекается в то, что оно переживает, – сказал нам отец Джуссани. Может быть, вы часто замечаете это в своих детях, но и с нами происходит то же самое: все мы

создаем себе идею того, что мы желаем, как это делали и ученики Христа (нет ничего нового под солнцем...), они тоже имели свое представление о том, что может дать им удовлетворение. В последнее время мы часто об этом вспоминали: когда ученики возвращаются из миссии в состоянии эйфории от успеха, Христос смотрит на них с нежностью, полной любви, и говорит: «Понимаете ли вы, что этого мало? Не этому радуйтесь, так как вы уже знаете, что через какое-то время этого вам станет мало. Только отношение со Мной может утолить вашу жажду». А Он ведь стоял там, перед ними. Это очень важно, и поэтому отец Джуссани так настаивает на этом условии человечности. Ведь дело не в том, что перед учениками не было Христа. Они были успешны в миссии, и Христос находился перед ними, но они все-таки больше радовались своему успеху, чем дружбе с Христом, чем тому, что имена их написаны на небесах. Они не были честны сами с собой и поэтому не могли понять значимость Христа. То есть без страстного и нежного осознания себя самих мы путаем Христа с чем-то еще: с успехом, деньгами, удовольствием. Так что мы можем уйти, как будто ничего не произошло, променять принадлежность Христу на влюбленность или карьеру! Поэтому мы часто вспоминали слова Иоанна Павла II, сказанные им в Мехико в 1979 году: «Невозможна верность, [...] если в сердце человека нет вопроса, [...] на который один только Бог является ответом». Только Бог, только Христос!

Но чтобы признать, что ответом является только Христос, нужен подлинно человеческий вопрос. Без этого мы можем говорить о Христе, повторять Его имя даже чаще, чем нужно, но приобретаемый нами опыт – это не Христос. Часто мы можем спутать Его с чем-то еще и, если что-то идет не так, как нам хочется, думаем, что Христос нас оставил. Нет! Все не так! Христос не смеется над тобой, Он не смеется над нами, Он не дает тебе такой ответ, который завтра вновь разочарует тебя. Его ответ – любовь. Поэтому понятно, зачем отец Джуссани, как мы вчера сказали, так настаивал, что для признания Христа необходима вся человечность целиком. Это первый абзац Введения книги *У истоков христианского притязания*: «При рассмотрении темы гипотезы откровения и гипотезы христианского откровения нет ничего более важного, чем вопрос о реальном положении человека. Невозможно полностью осознать то, что хочет сказать Иисус Христос, если мы прежде хорошо не осознали природу того динамизма, который делает человека человеком. Ведь Христос предлагает Себя как ответ на то, что такое “я”, и только внимательное, а также нежное и страстное осознание себя самого может распахнуть и расположить меня к признанию Христа, восхищению Им, благодарению и жизни в Нем. Без этого сознания даже имя Иисуса Христа становится всего

лишь именем»⁸². Наша проблема в том, что нам не хватает честности с самими собой, с живущей в нас потребностью. И мы это отлично понимаем: ища удовлетворения в чем-то другом, мы прекрасно видим, что нам этого недостаточно, это нам не соответствует. Если мы меняем Христа на что угодно другое, тут дело в нашей нечестности с самими собой. Это не проблема кого-то другого, это не проблема власти, это не проблема вселенной, это наша проблема, это проблема нашей безнравственности.

Проспери. Можно поподробнее остановиться на утверждении, что наша надежда в непоколебимости Христа?

Каррон. То, что мы попытались объяснить вчера с помощью отрывка из Евангелия, следующего за рассказом об умножении хлебов и рыб, помогает нам понять, что такое непоколебимость Христа. Потому что Иисус – это действительно нечто иное, Иисус – это нечто иное! Мы можем довольствоваться нашей компанией, детьми, друзьями, мы можем умалить потребность, но Иисус так с нами не поступает, и это самый очевидный знак отличия. Обратите внимание: Иисус не витает в облаках, Он прекрасно понимает, что этим людям нужен хлеб. И Он отвечает на эту потребность – умножает хлеб. Все так удивлены, что хотят сделать Его царем. Но Иисус этим не довольствуется. Они уже признали Его, Он мог бы этим удовлетвориться... Иисус прекрасно знает, что эти люди такие же, как все, что они умалили свое желание, умалили свою человечность, свою потребность. И Он тоже мог бы отступить: «Раз вам этого достаточно – как хотите...» Но Иисус не отступает, Он настаивает; зная природу их потребности, Он настаивает: «Ваша потребность в полноте больше, чем ваш естественный голод, потребность в хлебе. У многих из вас достаточно хлеба, но вам недостает вкуса жизни. У многих из вас все в жизни налажено, но этого мало, чтобы жизнь имела смысл, имела значение, этого мало, чтобы вставать утром, этого мало, чтобы противостоять трудностям, этого мало, этого недостаточно! Итак, если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, не будете иметь в себе жизни. Только если вы примете Меня как ответ на вашу потребность, лишь тогда вы сможете действительно быть самими собой, тем, для чего вы родились, тем, чего каждый из нас желает для себя, для своих детей, для своих друзей»⁸³. Христос прекрасно знает, что, если Он пойдет по этому пути, случится беда. Из-за страха быть отвергнутым, непонятым,

⁸² Л. Джуссани, *У истоков христианского притязания*, цит., с. 7.

⁸³ Ср. Ин 6,1-71.

остаться в одиночестве Он мог бы отступить. Как часто этот страх блокирует нас в наших отношениях! Поэтому я всегда говорю, что свобода – это очень дефицитное, действительно дефицитное благо: не так-то просто найти таких людей, которые останутся непоколебимыми перед истиной. Иисус мог бы и отступить. Но в чем надежда учеников и наша надежда? Что Он не отступит, что Он будет продолжать их подталкивать, даже когда появится искушение отступить. Единственная наша надежда в том, что Кто-то остается непоколебимым перед нашей властью, нашими попытками умаления, нашими поисками того, что удобнее, поскольку менее требовательно. Наша единственная надежда в том, что Христос остается непоколебимым! И здесь действительно перед нами является глубочайшая тайна Христа. Что делает Иисуса таким незыблемым, что Он не идет на компромисс, не принимает никакого умаления предложения, не попадает в зависимость от понимания или непонимания со стороны остальных, не боится остаться один и начать заново? Это возможно благодаря Его связи с Отцом, ведь Он есть Сын Божий: «Не хотите ли и вы отойти? Я никогда не один. Отец, Который со Мной, определяет Мою жизнь». Так что, оставшись потом один, так как все, даже ученики, покинули Его, Он не отступил перед словами Петра: «О каком страдании и смерти Ты говоришь? Кто Тебя заставляет пройти через все это?» «Отойди от Меня!»⁸⁴ Только эта окончательная связь с Тайной, с Отцом может сделать Иисуса таким свободным, непоколебимым. Его сила – это Его самосознание, определяемое принадлежностью Отцу, это сознание Его отношения с Отцом. Он не был избавлен от страданий. Христос стал в истории примером человека, обладающего таким самосознанием, таким сознанием составляющей его связи, что никакая власть в мире не могла уничтожить это сознание. Его, конечно, могли убить, но не могли оторвать от Того, к Кому Он был привязан больше, чем к Самому Себе: от Его Отца. Он хочет приобщить нас к этой связи. Друзья, если у нас нет этой связи, этого самосознания, мы не будем такими непоколебимыми, несмотря на отношения между нами. Нам не нужны люди, которые идут на компромиссы, как будто самое главное для нас, чтобы они не рассердились или чтобы мы не остались одни; нам нужны настоящие друзья, товарищи на пути.

Настоящая дружба – это такая дружба, о которой свидетельствует Христос. Любил Он Своих учеников или нет? Скажем прямо. Был Он их другом, волновала Его их судьба или нет? Волнует ли нас таким же образом наша судьба и судьба наших друзей, так же ли мы противостоям

⁸⁴ Ср. Мк 8,33.

умалению? Внимание! Не надо путать понятие «не соглашаться с умалением» с понятием «пилить других». Речь не о том, чтобы пилить других или моралистически стоять на своем. Нужно еще больше свидетельствовать о Его непоколебимости – вот как нужно проявлять настойчивость в отношении других. Иисус не совершает над ними насилия – Он просто не отступает перед их мерой! Забота о непоколебимости не означает разрешения влезать в совесть другого человека и пилить его. Ни в коем случае!

Подлинная непоколебимость – это свидетельство, которое мы ясно видели в отце Джуссани: он не соглашался на компромиссы. Один человек написал мне по поводу одной из последних встреч Школы общины: «На Школе общины в прошлую среду, как часто случается в последнее время, мне было трудно следовать за тобой [мне жаль...]. Мне субъективно трудно вжиться в твою терминологию и в путь, который ты предлагаешь, чтобы привести к выводу, освещающему жизнь. В эту среду я опять слушал тебя, как нокаутированный боксер, стараясь сохранять внимание, но без особенного успеха: до меня доходили скорее звуки, чем четкие понятия, и все эти “умаление”, “умаление”, “риск умаления”, “мы склонны сводить Христа к нашей мере”... и другие такие же тяжеловесные слова: “непоколебимый”, “Христос непоколебим”. Настоящая мясорубка для боксера, прижатого к канатам. Я ничего не понимал, а ты продолжал атаковать. Но к концу вечера произошел факт: слово “непоколебимый” попало внутрь меня, как ветер через внезапно распахнувшееся окно. Христос непоколебим? Христос не сводится к моей мере? Но ведь именно этого я хочу, именно этого я искал всю свою жизнь! Я всегда искал чего-то бесконечно более великого, чем я, и меня очень раздражал Христос-марионетка в руках какого-нибудь человеческого существа не в лучшем смысле этого слова. Но если все действительно так обстоит, если Христос – действительно все, то Он есть мера всего, Он, и ничто другое. В конце встречи я действительно чувствовал себя как нокаутированный боксер и два дня спустя все еще пребываю в том же состоянии полного изумления и удивления перед этим простым открытием и откровением. Христос захватил меня. К чему другие слова».

Проспери. Среди множества по-разному сформулированных вопросов, касающихся противопоставления изумления и власти, мы выбрали именно этот, потому что он помогает понять суть проблемы: «В евангельском рассказе о слепорожденном меня поразило, с какой готовностью он признает очевидность произошедшего с ним, хотя у него нет никаких инструментов, воспитания, культуры и т.д. Почему я, хотя у меня, казалось бы, много инструментов, с такой легкостью меняю метод?»

Каррон. Из-за недостатка простоты сердца. Перечитаем вместе рассказ о слепорожденном, пройдем шаг за шагом девятую главу Евангелия от Иоанна. Она начинается с вопроса учеников, и, как вы видите, у них такой же менталитет, как и у остальных: «Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?». Иисус отвечает: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии». Потом Он плюнул на землю, сделал смесь из слюны и земли, помазал глаза слепого и сказал ему: «Пойди, умойся в купальне Силоам». Он пошел, умылся и стал видеть. Начинается неразбериха. Соседи и те, кто раньше знал его, потому что он просил подаяния, говорили: «Не тот ли это, который сидел и просил милостыни?». Иные говорили: «Это он», а иные: «Похож на него». Он же говорил: «Это я. Не смущайтесь, это я». Тогда спросили у него: «Как открылись у тебя глаза?» «Иисус сделал брение, помазал глаза мои и сказал мне: пойди на купальню Силоам и умойся. Я пошел, умылся и прозрел». Тогда сказали ему: «Где этот Иисус?» «Не знаю». Повели сего бывшего слепца к фарисеям, потому что тогда была суббота. Спросили его также и фарисеи (это уже во второй раз), как он прозрел. Он только что сказал об этом, и признать это было легко, разве не так? Он сказал им: «Брение положил Он на мои глаза, и я умылся, и вижу». Все просто. Тогда некоторые из фарисеев говорили: «Не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы». Другие говорили: «Как может человек грешный творить такие чудеса?» И была между ними распря, ведь если недостает простоты, позволяющей придерживаться фактов... Опять говорят слепорожденному, как будто ничего не произошло: «Ты что скажешь о Нем?» «Это пророк». Тогда Иудеи не поверили. Чему не поверили? Не поверили, что Иисус был пророком? Нет, не поверили, что тот человек был слепым и прозрел! То есть, чтобы закрыть вопрос, им нужно вычеркнуть часть реальности: первый нечестный шаг – в отношении к реальности. Поэтому они призвали родителей сего прозревшего и спросили их: «Это ли сын ваш, о котором вы говорите, что родился слепым?» Видите: не «был слепым», а «о котором вы говорите, что родился слепым». «Как же он теперь видит?» «Мы знаем, что это сын наш и что он родился слепым, а как теперь видит, не знаем, самого спросите». Так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев; ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги. Итак, снова призвали человека, который был слеп, и сказали ему: «Воздай славу Богу; мы знаем, что Человек Тот грешник». «Грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу». Снова спросили его (невероятно!): «Что сделал Он с тобою? как отверз твои очи?» «Я уже сказал вам, и вы не слушали; что еще хотите слышать? или и вы хотите сделаться Его учениками?»

Они же укорили его и сказали: «Ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики». Моисей становится их оправданием, чтобы урезать реальность. Именем Моисея они отрицают очевидность. Это убийственно! «Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он». И тут слепорожденный сровнял их с землей: «Это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи». То есть он даже начинает разумно рассуждать, понимаете? Вот новая разумность. Это истинная разумность. Когда Джусани говорит, что разумность – это поведение Иоанна и Андрея, он имеет в виду, что разумен именно этот слепой, что он разумен намного больше, чем аналитические попытки всех остальных отрицать реальность (идеология – это когда нет фактов, есть только интерпретации). «Но мы знаем, – продолжает говорить бывший слепой, – что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает. От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному. Примите же реальность: о таком от века не слыхано. Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего». Фарисеи выходят из себя: «Во грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь? Критерий – это мы, а не твое сердце, не твоя простота. Критерий – это мы, старейшины»⁸⁵. Видите, почему наша человечность имеет решающее значение? Без моей человечности, без моего сердца как критерия суждения, без возможности признавать истину всегда кто-то другой говорит мне, что я должен делать. Вот альтернатива изумления и власти. Здесь мы видим драму, с которой сталкивается каждый из нас: позволить, чтобы победила простота, изумление перед очевидностью происходящего (из которой рождается уверенность), или навязать нашу власть или подчиниться чужой власти. Изумление не зависит от других, не зависит от власти. Последний, кто присоединился к нам, например, слепой, невежда (что и удивительно), может показать нам, как одержать победу над любой властью: достаточно простоты перед реальностью, достаточно поддаться изумлению, которое, как мы слышали вчера, есть не эмоция, а суждение. Любовь – это суждение, признание, увлекающее всю чувствительность. Уверенность рождается из признания этой очевидности. Это и есть переворот метода. Почему, – говорится в вопросе, – слепорожденный, не имея воспитания, культуры, смог сделать то, что нам не удается? Перечитаем Школу общины, там уже все есть: «Если бы Бог явил в истории человечества Свою особую волю, если бы Он указал путь, на котором мы могли бы достичь Его, то главной проблемой религиозного явления была бы уже не попытка человека “вообразить себе” бога, хотя в ней выражается его величайшее достоинство: проблема заключалась бы в чистом дей-

⁸⁵ Ср. Ин 9,1-34.

ствии свободы, приемлющей или отвергающей. Переворот религиозного метода заключается в следующем: центральное место принадлежит уже не усилию человеческого ума и воле к созиданию, труду воображения, сложному морализму, но простоте признания, что подобно приветствию приближающегося друга, которого мы узнали среди других. Религиозная методология утратила бы в этом случае все свои тревожащие и загадочные ссылки на отдаленность и совпала бы с динамикой некоего опыта, опыта настоящего, опыта некоей встречи. Следует отметить, что первый метод больше поощряет человека умного, образованного, удачливого, сильного; второй же – человека бедного, обыкновенного»⁸⁶. Если мы не похожи на слепорожденного, то лишь потому, что в нас нет его простоты перед лицом очевидности множества фактов, нам не хватает нищеты простого человека, который позволяет очевидности происходящего влечь его. А мы думаем, что мы умнее. Но в этом-то и весь вопрос: можно ли назвать нас умными, если в нас нет этой нищеты.

Проспери. Следующий вопрос: «Что конкретно означает, что не я выбираю учителя, за которым буду следовать?» «В настоящий момент утверждение, что отец Джуссани – учитель, за которым мы следуем, кажется мне абстрактным, то есть оно неспособно победить отдаленность Христа от моего сердца. В повседневных обстоятельствах мне нужно смотреть на кого-то рядом со мной. Поэтому я не понимаю: кто учитель, за которым я следую?»

Каррон. Я не выбираю учителя. Я его признаю. Не мы решаем, кто облегчает нам путь, кто действительно помогает жить, – мы это признаем, слыша определенные слова или переживая определенные обстоятельства рядом с другими людьми, как говорилось в прочитанных вчера письмах, мы открываем, что нас привлекает другой человек, у которого другое суждение, в большей степени соответствующее ожиданию нашего сердца. Мы не решаем, что так будет, а признаем это. Повторю: мы признаем учителя. Исключает ли это мое «я»? Нет! Потому что без своего «я», как мы сказали ранее, я неспособен признать учителя, признать то, что действительно соответствует полноте моего ожидания, уровню моего желания, моей человечности, моей драмы. И для того чтобы признать, – на какой риск идет Тайна! – чтобы из множества лиц, которые человек встречает в жизни, узнать то самое лицо, нужна наша человечность. Не мы решаем, что нам соответствует, кто нам соответствует. Мы признаем

⁸⁶ Л. Джуссани, *У истоков христианского притязания*, цит., с. 39-40.

это, как мы сказали вчера, цитируя Тарковского: «Сам ведь знаешь, не получается что-нибудь или устал, намучился, и вдруг... с чьим-то *человеческим* взглядом встретишься, и словно причастился, и все легче сразу».

Я много раз рассказывал вам о своем опыте. Я жил в Испании и долгие годы не встречался с Джуссани, но никак не мог сказать, что он был для меня абстрактным, потому что я знал, даже находясь далеко, благодаря инструментам, которые имелись в моем распоряжении (а их было гораздо меньше, чем у нас сейчас), что мне помогало в жизни. Я много чего прочитал, но лучшей компанией для меня было то, что я слышал от него. И я просто старался сравниться с тем, что меня достигало, и это был не просто облик – это был облик через слова, через многие вещи, которые он делал. И мы с друзьями старались помочь друг другу лучше понять это; единственное, к чему мы стремились, – следовать за тем, что предлагалось. Нам помогает не тот, кто просто находится рядом с нами, а тот, кто освещает нашу жизнь, даже если нас разделяет океан, и ты, живя, ощущаешь, что он освещает твою жизнь. И поэтому теперь, когда отца Джуссани нет с нами, я не могу предложить ничего другого, кроме его харизмы, как вы видели вчера. Дело не в том, что я хочу “копировать” Джуссани, нет, дело в том, что я не могу сказать ничего другого, поинтереснее, поскольку ничто так не подходит к нашей ситуации, к историческим обстоятельствам, с которыми мы должны иметь дело, кроме того, что он нам сказал: Школа общины, общие моменты, тексты, все, что предлагает нам опыт, разнообразные свидетельства которого он нам оставил. Мы можем постоянно проверять, готовы мы следовать за отцом Джуссани или нет. Но, конечно, я желаю, чтобы рядом с каждым из нас были друзья, чтобы для каждого они стали компанией, помогающей ему следовать: Братство, ваши общины.

Я хотел бы, чтобы так было в жизни каждого, но именно то, о чем мы говорим, когда собираемся вместе, прежде всего, во время Упражнений, дает нам критерий для понимания, следуем ли мы. И если не следуем, то не можем потом жаловаться на свою несостоятельность, так как мало находиться здесь и протирать штаны, если мы не вживаемся и не стараемся, чтобы услышанное стало нашим опытом. С этой точки зрения показателен ответ Джуссани одному человеку, сказавшему об абстрактности, которую мы часто ощущаем: «Я сказал в Римини, что “я” – это перекресток между вечным и небытием, и осуществляется он экзистенциально, исторически как признание или непризнание Христа. “Нет”, сказанное Христу, не говорит “Христос” – это все равно, что сказать: “Все – ничто”. Скажите мне, как с точки зрения логики это может закончиться иначе, скажите мне! Это настолько верно, что наивысший

человеческий идеал (кажется, что наивысшим человеческим идеалом является буддистский идеал) представляет, что разрешением всего станет слияние, слияние капли с морем, гармоническим морем всего. Какая прекрасная гармония! Где “я” исчезает!!! Исчезнуть – вот что для тебя важно. [...] Да, мы воспринимаем как абстрактное то, чему мы уже сказали “нет”. Потому что если я не сказал “нет”, пусть что-то и кажется мне абстрактным, я понимаю, что я должен приложить все усилия, чтобы сделать это конкретным, чтобы сделать это опытом. Все то, что мы сказали, клянусь вам, станет опытом; оно уже стало таковым для нас. Это та причина, по которой мы находимся здесь. Нужно иметь достаточно смелости, чтобы собирать столько людей для того, чтобы говорить ложь. Невозможно набираться наглости, чтобы поступать так, для этого нужно быть политиками или сутенерами. Это всегда вопрос денег, потому что власть нужна только для денег. Вещь либо является истинной, либо нет; говорить “истинное является абстрактным” обозначает, что ты уже сказал “нет”. Абстрактным кажется то, от чего мы уже отреклись. Если тебе говорят то, что тебе кажется абстрактным, ты должен стараться понять, как это можно сделать конкретным, и в попытке сделать это познаваемым на опыте ты усваиваешь это»⁸⁷. Каждый из нас должен решить: продолжать повторять, что это абстрактно, или постараться пережить опыт того, что мы слышим. Только ты сам лично можешь пережить этот опыт, точно так же как и я. Только если услышанные слова станут опытом, я смогу понять, истинны ли они, и они предстанут перед моими глазами во всей разумности, во всей очевидности, во всей ясности соответствия, которого я ищу. Поэтому, друзья, если харизма не станет опытом, она всегда будет абстрактной.

Проспери. Я хотел бы понять природу разделения жизни и совместной жизни. Апостолы обрели уверенность, находясь с Ним, они привязались к Нему. В первой лекции было сказано, что следовать за учителем значит уподобляться ему, а не привязываться к его личности. Но апостолы привязались к Христу.

Каррон. «Иисус Своей привлекательностью привлекал людей не к Себе, а к Отцу. Он привлекал людей к Себе, чтобы привести их к Отцу в познании и послушании»⁸⁸, – говорит Джуссани. Точно о таком же методе говорил тогда еще кардинал Ратцингер во время похорон отца

⁸⁷ Л. Джуссани, *Можно ли жить так?*, цит., с. 375-376.

⁸⁸ L. Giussani, *L'uomo e il suo destino*, op. cit., p. 129.

Джуссани: «Отец Джуссани не стремился сберечь свою душу, он отдал ее и именно таким образом обрел жизнь не только для себя, но и для многих других. Он осуществил то, о чем мы слышали в первом Евангелии: он не хотел быть хозяином, он хотел служить, быть верным служителем Евангелия, он раздал все богатство своего сердца, он раздал божественное богатство Евангелия, которым проникся, и благодаря его служению, отдаванию себя, его жизнь принесла богатый урожай, как мы видим сейчас, – он воистину стал отцом многих и, ведя людей не к себе, а ко Христу, завоевал сердца, помог сделать мир лучше, открыть врата мира в небо»⁸⁹. Это и есть подлинная привязанность. Вжиться в опыт Христа или в опыт Джуссани – это и значит следовать за ними. И это не вопрос эмоций – нужно научиться отношению с реальностью, потому что, если мы проследим, как они строили отношения с реальностью, только тогда мы сможем увидеть, как в нас рождается состоятельность, самосознание, позволяющее нам пройти через любые обстоятельства. Истинная привязанность означает, что мы открываем наше существо для Тайны. И через отношения со Своими учениками Иисус просто пытается приобщить их к Тайне, поэтому Он никогда не отступает перед их мерой, но постоянно, не смущаясь, начинает снова (как и отец Джуссани часто начинал снова в отношениях с нами, не смущаясь, что мы ничего не понимали). И мы сегодня тоже можем поступать таким же образом, не смущаясь, мало-помалу, но всегда борясь, никогда не сворачивая на другую дорогу. Это и есть нравственность, которая для нас означает в первую очередь не последовательность, но стремление к истине. Не оправдание лжи, а постоянное стремление к истине. Поэтому мы действительно привязываемся к людям, которые открывают нас полноте. Сначала мы сами принимаем решение, хотим ли идти к судьбе, к полноте, и доверяемся тем, кто хочет того же самого. Или же «решаем» сами, за кем следовать, потому что уже решили, что нам на себя самих наплевать, довольствуемся чем-то меньшим, чем то, что соответствует нашей потребности в полноте. Наши друзья – это следствие того, что мы решили в своем сердце. Это жизненный выбор: Бог их творит и потом соединяет... Понимаете? Сначала мы решаем, чего хотим в жизни, а потом выбираем друзей, потому что друзья – это те, кто идет туда, куда хотим идти мы. Чтобы следовать за Христом и за отцом Джуссани, нужна честность по отношению к собственному сердцу, к собственной потребности.

⁸⁹ Й. Ратцингер, «Влюбленный в Христа. Путь, открывшийся через встречу». Проповедь на похоронах отца Луиджи Джуссани, Миланский кафедральный собор, 24 февраля 2005 г., «След», № 3, 2005.

Проспери. Два последних вопроса касаются состоятельности «я». «Говоря о Петре, ты сказал, что вся тьма не могла затмить очевидность, которую он видел. В этом заключается состоятельность “я”. Почему, несмотря на состоятельность “я”, еще существует опыт тьмы?»

И второй вопрос: «Экономический кризис сильно влияет на мою работу, я очень беспокоюсь. Я говорила и продолжаю говорить, что реальность положительна, но все равно боюсь и не сплю ночами из-за экономических проблем. Хочу просить помощи, чтобы понять этот, на первый взгляд противоречивый, факт».

Каррон. Иисус вошел в историю и стал присутствием, пленившим тех, кто Его встретил. Он вошел в историю не для того, чтобы привести все в порядок. С того момента, как Тайна положила начало этому увлекательному приключению, став товарищем человеку, чтобы он смог найти себя самого, метод оставался тем же, о котором нам всегда свидетельствовал отец Джуссани. Что это за метод? Мы можем проследить его, начиная с истории Аврама. Чтобы достичь всех и вся, Бог для начала избрал одного человека. А когда Он избрал Аврама, разве это решило все проблемы в истории? Нет. Он начал созидать «я», наделять это «я» состоятельностью, так что отец Джуссани говорил нам об Авраме как о рождении «я», потому что «я» обретает состоятельность только перед Присутствием, призывающим его, привлекающим, пробуждающим его от ступора, в который наше «я» часто впадает. И это не значит, что вокруг Аврама все вдруг изменилось. Нет, изменился Аврам. И иногда окружающие его возмущали: «Ну почему вы такие?»... «Но Бог дал тебе благодать, именно потому что мы такие, потому что мы до такой степени растеряны, слепы, ленивы, потому что все вокруг нас есть тьма, Бог начал одаривать тебя Своей благодатью, чтобы ты обрел состоятельность, чтобы начать созидать место, где можно было бы победить тьму, где можно было бы победить нигилизм». Точно так же Иисус не обещал нам, что все будет гладко, что мы не будем болеть, что мы не останемся без работы, что нам будет сопутствовать успех. Это чисто кальвинистское мировоззрение: Бог есть, если все идет хорошо. Но это противоречит всей истории израильского народа! В отличие от всех остальных народов, именно потому что Бог Израиля отличался от других богов, – Он был другой реальностью, иной, несокрушимой – Израиль мог лишиться всего: храма, земли, монархии, власти, и в довершение всего этот народ пережил опыт изгнания. В любой другой ситуации это был бы конец бога, так как боги любого другого народа оставались богами, пока приносили народу победу. Когда мы думаем, что если мы лишились власти над чем-либо, то на нас можно ставить крест, этим мы говорим, в чем наша надежда. Но Христос созидает место, где мы можем

обрести состоятельность, позволяющую нам встретить лицом к лицу все что угодно, даже наш провал, даже отправиться в изгнание, чтобы осознать, что не наша конница приносит нам победу, не наша численность. И мы должны очиститься, чтобы обрести подлинную состоятельность, которая привела бы нас к Судьбе.

Итак, Иисус не обещал нам разогнать тьму – Он Сам прошел через тьму и победил ее, поскольку Его состоятельность заключалась в Его связи с Отцом. Даже Иисус не был избавлен от страданий, Он тоже вошел во тьму, Он прошел через смерть. Хотим ли мы быть Его учениками или мы уже решили, что лучше быть учениками кого-то еще? Вопрос в том, возвращаемся ли мы в трудные моменты, в моменты страха, возвращаемся ли мы туда, куда возвращался Он Сам, к этой связи с Отцом, с Тем, Кто позволяет нам встречать лицом к лицу любые обстоятельства. Как говорит отец Джуссани в десятой главе *Религиозного чувства*: тот, у кого есть такое осознание, кто обладает такой состоятельностью, таким самосознанием, тот «может с глубоким спокойствием, возможно, с радостью принять все, что с ним происходит»⁹⁰. Сколько раз мы с удивлением видели, как наши друзья встречают смерть, встречают болезнь. Разве они от чего-то избавлены лишь из-за того, что встретили Христа? Никто нам этого не обещал. Христос хочет созидать такое «я», такое новое творение, которое могло бы лицом к лицу встречать любые обстоятельства. Вот что такое новое творение: дело не в том, чтобы мы были от этого избавлены, нет, этого было бы слишком мало, потому что, как говорилось в одном из вчерашних писем, человек мог бы выздороветь, Господь мог бы послать ему выздоровление, но дело в том, что этого мало, дело в том, нашел ли человек нужный ответ на вопрос о смерти, потому что даже после исцеления нам придется встретить смерть. Христос хочет созидать именно такое творение, и это возможность для всех нас, для наших друзей, для наших близких, для всего мира: чтобы в реальности, в истории, на нашем рабочем месте, в нашей семье, в кругу наших друзей появилось новое, состоятельное «я». И это возможно, только если мы будем следовать за учителем, который был нам дан, который пленил нас. Это не может случиться автоматически, это возможно только благодаря следованию, и все мы знаем, что в следовании в нас появляется эта состоятельность, и перед нами множество свидетелей, сейчас, в этих обстоятельствах, а не в Средние века и не в эпоху Отцов Церкви! Мы видим это своими глазами: если в простоте следовать предложению, которое сделал нам отец Джуссани, о котором он свидетельствовал до самого конца, это дает нам возможность обрести состоятельность, позволяющую встречать лицом к лицу любые обстоятельства.

⁹⁰ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., с. 124.

Объявления

В этом году исполняется 30 лет признания Братства Святым Престолом, и в благодарность за нашу историю, мне кажется, сейчас хорошая возможность вспомнить, что отец Джуссани говорил о Братстве и группах Братства.

На одном собрании Братства он сказал: «Жизнь Братства является в первую очередь призывом и помощью переживать отношение с собственной судьбой. [Обратите внимание, какое напряжение с самого первого предложения: призыв к собственной судьбе, и никак не меньше этого.] Потому что, друзья мои, мы должны прямо сказать друг другу, что другая жизнь не будет человеческой, безрассудная жизнь не будет человеческой. Разница между ребенком и взрослым в том, что у ребенка нет осознания цели [то есть судьбы]. Взрослый, который ведет себя по-детски, у которого нет осознания цели, зовется бестолочью. Большая часть людей так и живут, у них нет осознания цели. Поскольку цель Братства – напоминать об этом и помогать друг другу, то [здесь речь пойдет о важности отдельных составляющих жизни Братства] именно поэтому ценно время, отводимое для молитвы. Невозможно признавать друг друга как помощь на пути к собственной судьбе, не разделяя нужды друг друга. [Как мы видели, когда у кого-то проблемы с работой, кто-то болен, кто-то запутался, мы можем потворствовать либо помогать друг другу.] Мы не можем быть христианами в мире, если не проявляем милосердную любовь прежде всего к тем, кто сплотился вокруг нас, наших товарищей на пути, поэтому разделение потребностей должно быть полным. В-третьих, миссионерское понимание жизни, потому что миссия – это не деталь жизни, а вся жизнь. Для матери, для домохозяйки разумно заниматься хозяйством, если она жертвует свой труд за весь мир, и нет никакого смысла растить, поднимать детей, если не для Царства Божия. Итак, если наша жизнь определяется Движением, то это есть лишь воплощение этого миссионерского порыва, поскольку Движение есть не что иное, как способ, наш способ, он дан нам, чтобы прожить нашу жизнь и жить в мире в соответствии с сердцем Церкви. Это означает, что понимание собственной жизни, семейной жизни, своей профессии, воспитания детей, свободного времени, своих сил, денег определяется Движением, то есть чем-то более великим, где человек действует в полной свободе, потому что без свободы ответ не будет человеческим. Пусть лучше будет отклик в 0,1% в свободе, чем мнимый отклик в 50% без свободы, и даже в 100% без свободы»⁹¹.

⁹¹ Assemblea della Fraternità di Comunione e Liberazione Marche, Loreto 15 gennaio 1984, Archivio CL.

Потому что, как сказал отец Джуссани в другой раз: «Движение будет расти не благодаря нашим инициативам; оно будет расти, если будут расти зрелые в вере люди. Все наши инициативы – лишь инструмент достижения такой зрелости. Если наши инициативы, – говорит он, – не являются инструментом для достижения зрелой веры, то Движение не растёт. Будут какие-то вещи, которые доставляют удовольствие и питают себялюбие тех, кто ими занимается, но они не способствуют росту Движения, так что, устраиваясь определенным образом, они всегда замкнуты на себе и рождают разделение или, лучше сказать, отчуждение. Но все инициативы, начиная с распространения листовок до создания кооперативов, нужно понимать и использовать как инструменты, чтобы пробудить больший интерес как в отдельных участниках, так и в посторонних наблюдателях, интерес к великому присутствию Христа, Которому принадлежит наша жизнь и жизнь мира: если бы признание Христа распространилось шире, всем нам на этой земле жилось бы лучше, в сто раз лучше»⁹².

Поэтому не беспокойтесь о том, как устроить жизнь группы, – «заботьтесь о том, [...] чтобы призывать друг друга к Христу, любить друг друга, не в смысле эмоций, но разделять потребности друг друга, быть друг к другу внимательными, преодолевать антипатию, прощать друг друга, лелеять в себе страсть к Движению»⁹³.

В определенный момент отец Джуссани говорит также, какая нужна свобода в поиске того, что больше всего нам помогает: «Если нет встреч группы... прекрасно, можно три года вместе идти по пути, а потом уйти и найти другую команду, создать более подходящую, более свободную солидарность в соответствии с тем, что человек переживает. Нигде не сказано, что человек, в силу лишь того, что он пять лет провел в одной группе Братстве, должен оставаться в ней вечно»⁹⁴. Это больше всего нам помогает! Часто, если человек делает шаг из-за того, что задыхается или находит более подходящую группу, это всех смущает. Но почему?! Это и есть цель, цель – это судьба, а не посиделки в тепле перед очагом.

«Чтобы не переживать еще и опыт группы Братства как схему, в которую обычно вырождается любая принадлежность движениям и ассоциациям, нужно быть свободными. А свобода, чтобы не превратиться в выбор, в котором человек руководствуется собственными вкусами и инстинктами, должна быть умением выбирать и оценивать те присут-

⁹² L. Giussani, *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*, op. cit., pp. 175-176.

⁹³ *Ibidem*, p. 78.

⁹⁴ Assemblea della Fraternità di Comunione e Liberazione Marche, Loreto 15 gennaio 1984, Archivio CL.

ствия в нашей жизни, которые сильнее других призывают нас к судьбе»⁹⁵. Это критерий для выбора группы Братства. Этого мы тоже не решаем, мы только признаем, кто сильнее других призывает нас к судьбе. Это послушание Братству, как и послушание Движению, послушание учителю: поскольку мы являемся нуждой до самого мозга костей, то в чем вся суть? Найти того, кто будет сильнее нас призывать, кто будет больше нам помогать, пробуждать нас. Для этого нужна еще какая свобода. Но часто в группах, если кто-то делает шаг, это воспринимают, как будто он их не любит... нет! Возможно, если человек делает шаг (так как Бог дает человеку благодать, чтобы сделать шаг), это может быть такой способ пробудить группу, потому что метод Бога все тот же: давать благодать одному человеку, – если он не целиком сентиментален, если это не сентиментальный порыв – чтобы достичь всех.

Поэтому нужно «умение выбирать и оценивать те присутствия [...], которые сильнее других призывают нас к судьбе, к смыслу жизни и больше помогают исполнить наш долг, выполнить нашу задачу. Жизненная сила нашей веры не может ограничиваться группой. Жизнь группы подобна жизни семьи. Цель жизни семьи не в том, чтобы ограничить жизнь кругом самой семьи – это означало бы смерть личности. Семья – это как бы исходные данные, которые природа вкладывает в человека и развивает, чтобы расширить его интересы и его объятия на весь мир. Действительно, семья рождается как наставник в отношениях со всем миром. И группа так же должна содействовать развитию исходных данных. Если, принадлежа Движению, встречаясь с людьми, вещами или ситуациями, которые ощущаются созвучными, человек чувствует помощь, то ложная лояльность собственной группке не должна стать для него тормозом. [Это его слова! Сколько в нас формализма, чтобы оправдать наше потворство и нежелание двигаться с места!] Он свободно становится другом любого человека, и это станет для него помощью в отношении с его группой»⁹⁶.

Сама группа должна поощрять такие шаги, потому что, если один делает шаг, это благодать для всех. Мы это видим: благодать, данная кому-то одному, – благо для всех. Поэтому посмотрим, какой опыт мы переживаем в наших группах, чтобы не просто потворствовать друг другу.

Общий фонд

Напоминаю вам о важности общего фонда, о его ценности. Мы говорили об этом в прошлом году, вы можете еще раз перечитать, что было

⁹⁵ L. Giussani, *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*, op. cit., pp. 87-88.

⁹⁶ *Ibidem*, p. 88.

сказано на Упражнениях 2011 г. Скажу только, что некоторые, испытывая экономические трудности, не отложили взносы до лучших времен, но только уменьшили их размер. Это трогательный факт, он говорит о нашем воспитании. Потому что дело не в размере взноса. Человек может со смирением изменить размер взноса, но продолжать оставаться верным. Кто из нас не может дать 1 евро? Пусть каждый признается самому себе, может ли он. Поэтому нет никакого оправдания, чтобы не делать взносы в Общий фонд: важна не сумма, а воспитание. Не думайте, что деньги могут что-то решить... Верность Общему фонду – это знак того, что люди считают этот жест важным для своей жизни как выражение благодарности за то, что они переживают через принадлежность Братству.

Некоторые из недавно записавшихся спрашивают нас, есть ли стандартная сумма взноса. Нет! Потому что отец Джуссани всегда говорил нам, что сумму каждый определяет свободно и что важна верность этому жесту, а не сумма.

Журнал «След»

Напоминаю, что «След» – это официальный журнал Движения и, кроме сайта, – единственный инструмент, за который мы несем прямую ответственность.

В объявлениях вы найдете предложение уделить особое внимание распространению майского номера, посвященного встрече семей с Папой. Я хотел бы снова предложить вам распространять журнал в разных общественных местах (на месте работы, учебы, в приходе, среди знакомых, друзей), поскольку мы видели, что для всех это хороший повод для воспитания и возможность познакомиться с нашей общиной тех, рядом с кем мы живем. Нам пишет одна подруга: «Мы говорили о распространении “Следа” в нашей общине. Больше никто не продавал его перед церквями. Я стала говорить об этом с друзьями из Школы общины. Один из них серьезно отнесся к этому призыву и стал продавать “След” после Мессы, на которую ходил. Тех, кто возражал, что у них нет времени, что сложно написано, он приглашал к себе домой читать журнал и ужинать. Группа читающих продолжает встречаться ежемесячно, они приглашают новых участников. Два человека приходят на Школу общины, и это важный результат, потому что иначе существует риск, что все останется сентиментальной встречей с христианским подтекстом. Сейчас мы предлагаем журнал на нескольких Мессах, так как нам стали помогать и другие люди. Теперь мы распространяем больше экземпляров, и мне это кажется чудом, потому что мы всерьез приняли это указание как предложение проделать работу в нашей жизни, а не как добровольно-принудительную

деятельность. Благодаря передаче опыта наше сердце расширяется, и мы начинаем делать эту работу ради самих себя, чтобы осознать причины того, что мы встретили».

Кроме распространения в общественных местах я советую делать это и лично. Нам часто приходится говорить на разные темы, и статья может стать поводом показать остальным другую перспективу. Иногда в диалоге с коллегами, друзьями и знакомыми мы можем найти повод познакомиться их с журналом, с определенной статьей или темой, которая им особенно близка, и таким образом они могут открыться полноте. Часто статьи, интервью и суждения в журнале становятся отправной точкой для встречи и диалога с разными людьми, с которыми мы встречаемся по работе или в других обстоятельствах. Будем использовать наш журнал как возможность свидетельства.

Молитва о заступничестве отца Джуссани

Чтобы ответить на потребность, возникшую в жизни многих людей вследствие просьбы о начале процесса беатификации отца Джуссани, то есть чтобы дать возможность просить о его заступничестве в упорядоченной форме, соответствующей истинной природе его харизмы, Братство обратилось с соответствующей просьбой и получило от компетентных церковных властей утверждение молитвы, предназначенной – обратите внимание! – только для частного использования. Лишь такая форма разрешена Церковью в отношении Слуг Божиих, каковым провозглашен теперь отец Джуссани.

Настоятельно рекомендуем вам избегать составления и распространения других форм молитвы. Братство не одобряет никакие другие инициативы в этой связи.

Встреча семей с Папой

На Всемирной встрече семей Папа Бенедикт XVI примет участие в двух встречах. Это Праздник свидетельств, который состоится вечером в субботу 2 июня, и торжественная Месса 3 июня. Это событие – возможность пережить свидетельство подлинности нашей харизмы там, где мы находимся, и вместе с теми людьми, которых встречаем. Я советую вам очень серьезно отнестись к этому приглашению и рассказывать об этой возможности своим друзьям, коллегам, родным, в приходах и епархиях.

Прочитаю телеграмму, которую мы отправили Святейшему Отцу:

«Ваше Святейшество, 25.000 членов Братства “Общение и Освобождение” приняли участие в традиционных Духовных упражнениях, в размышлении над словами святого Павла: “И уже не я живу, но живет во

мне Христос”. Еще несколько тысяч человек из тринадцати европейских стран участвовали в Упражнениях посредством видеосвязи.

В эти дни мы снова пережили опыт Христа как ответ на то, чем каждый из нас является, проверяя на опыте, что только внимательное, нежное и страстное осознание себя самих распаивает нас к признанию Христа, присутствующего здесь и сейчас, Единственного, кто преодолевает разрыв между знанием и верой, который Ваше Святейшество определили как главную проблему живущих ныне христиан. Если Христос действительным образом не живет в нас, то побеждает и господствует дуализм и нигилизм. Отец Джуссани ответил на вызов жить на высоте своей человечности, он не уклонился от взгляда Христа и таким образом наметил путь для каждого из нас в следовании за Папой и его Церковью, всем своим опытом свидетельствуя нам, что только Иисус соответствует полноте ожидания сердца.

Воодушевленные Вашей личностью, придающей плоть и кровь пасхальной вести: “Если Иисус воскрес, произошло что-то действительно новое, что меняет положение человека и мира. Воскресший не принадлежит прошлому, Он присутствует сегодня, Он живет”, – мы ожидаем встречи с Петром в Милане вместе со всеми семьями мира.

К Вам устремлена привязанность нашего сердца».

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Святой Мессы: Деян 3,13-15.17-19; Пс 4; Лк 24,35-48

ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА МАРКА УЭЛЛЕ, ПРЕФЕКТА КОНГРЕГАЦИИ ЕПИСКОПОВ

Дорогие друзья,

«Христос воскресший явился Своим апостолам и даровал им Свой мир».

Вот возвешение, обобщающее не только смысл сегодняшней литургии, но также и сущность христианского события, более того, всего Священного Писания.

«Христос воскресший» – это тот уникальный человек, который удивлял так, как не удивлял ни один из его современников и никто из людей за все время истории. Этот человек приносит измерение человеческого, превосходящее все наши способности, но также пробуждает и обостряет вопрос о смысле человеческого сердца. Он закончил свою жизнь на кресте, ибо Его притязание на то, что Он пришел с небес, возмутило власти того времени и их сторонников. Его вызов продолжается на протяжении всех веков. И теперь уже бесчисленно количество попыток вернуть Его на исторический горизонт человечества.

1. Этот человек Христос не только воскрес, но таинственным образом явился Своим, позволяя узнать Себя, прикоснуться к Себе, призывая верить, несмотря на *шок* учеников от того, сколь трагически закончилась Его судьба. Он явился не случайно, но с замыслом воспитать свидетелей новой реальности, несводимой к мирским категориям, познаваемой на глубинном уровне через разумение Писаний. «Вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах».

2. Неслыханное притязание Иисуса завершилась распятием и победой Воскресшего над смертью. Потом его явления показали ученикам Его присутствующую личность: Его пребывание, живого, там, по ту сторону смерти, более живого, чем они, не закованного в рамки времени и пространства, но полностью свободного явить Себя. Теперь они могли понять, Кем Он был, откуда Он пришел и куда вернулся, послушно пройдя путь воплощения. Он действительно был Мессией, едиnorodным Сыном, Открывающим Отца, посредником Духа.

3. Все это содержится в приветствии, обобщающем в себе все мессианские блага: Шалом! «*Мир вам*». Это приветствие мира, исполненное смысла и повторяемое многократно. Мир Мой даю Вам, Мой мир, не

так, как дает его свет, потому что мой мир несет прощение ваших грехов, ваше примирение с Богом и между собой и новую жизнь общения, которая не из этого мира. Это «мир, над которым смеется свет, но который не может похитить» (Манцони, «Троицын день»).

4. «Мир вам». Примите его от Меня не только как откровение, что *Я есмь* (Εγώ εἰμι), но также как откровение того, чем являетесь вы, друзья мои: вы сыны Божии! Примите его в полноте, чтобы понять и объять то, чем вы являетесь по благодати. Действительно, Христос дуновением посылает им и нам *Своего Духа*, который творит все новое. Это творческое дуновение соединяет *их личность с Его личностью* в совместной жизни, которая отныне окончательна и нерушима. Совместная жизнь составляет идентичность Церкви и побуждает всякую общину свидетельствовать о Воскресшем перед миром.

5. Как воплотить это свидетельство, когда мы осознаем, что приняли дар, привилегию совместной жизни с Воскресшим Христом? Это вопрос ваших Духовных упражнений, основанных на словах св. Павла: «И уже не я живу, но живет во мне Христос». Серьезный ответ на этот вопрос, лучше сказать, на этот экзистенциальный вызов, стал целью молитвы и размышлений этих дней.

6. Рассмотрим веки собравшего нас события, – которое наши восточные братья называют «Божественной Литургией» – чтобы понять другую важную черту нашего жизненного отношения со Христом. Что производит в нас встреча со Христом в таинстве? Как обеспечить его постоянную новизну и возрождающую силу? Чтобы избежать рутинности и посредственности, необходимо избегать сведения Божественной Литургии к набожности, то есть к череде ритуалов, обязательств, чувств и поведения, управляемых нами самими в нашем отношении с Богом. Мы должны проживать это событие в свете явлений Воскресшего. И поэтому как встречу, оставляющую в нас *следы*.

7. Действительно, Литургия – это вторжение Воскресшего Господа в нашу историю в простоте провозглашенного слова и смиренности обрядов. Это не наше представление, спектакль, это событие не поддается управлению, это воплощение живого и полного Слова, достигающего и наполняющего все пространство и время нашей жизни. Литургия окутывает пасхальным светом наше существование и таким образом дает возможность видеть знаки присутствующего Господа во всей нашей жизни.

8. Незыблемость события Христа, неконтролируемость Его явлений, полнота Его мира наполняет Святую Литургию. Не это ли самое главное послание Папы Бенедикта XVI? Задумаемся над этим и поймем, что смысл события Христа, который схожим образом поразил отца Джуссани

и Йозефа Ратцингера, имеет общим корнем пасхальную радость. Их очарованность личностью Христа проистекает из личной встречи с воплощенным Словом в евхаристической тайне, которая четко, сдержанно и всеобъемлюще освещает Его бытие, присутствующее в очень конкретной траектории всей человеческой жизни и всех людей.

9. «*И уже не я живу, но живет во мне Христос*». Верить в Него, быть с Ним единым значит принадлежать Его евхаристическому и церковному Телу. Эта принадлежность приносит в человеческую жизнь полноту смысла, который в опыте церковного общения выводит наш личный опыт за его пределы.

10. Обмен личностями между мной и Христом проистекает из события Крещения, но свершается в мире евхаристического общения. Именно потому что наше конкретное и повседневное человеческое существование объято тайной евхаристического церковного общения, наши человеческие, семейные, дружеские и социальные отношения наполнены и устремлены к обмену дарами, включающему нашу собственную личность: «*И уже не я живу, но живет во мне Христос*».

11. Из-за лености и посредственности всегда можно свести событие евхаристического общения к набожности, однако, со Своей стороны, Христос вносит в него не что иное, как троичное общение, которое изливается в сердца через Его тело, исполненное Святым Духом.

12. Фраза «*Мир вам*» выражает также действие Бога, которое актуализирует *здесь для нас* в таинстве процесс обожествления всего нашего бытия и всего нашего делания. В Евхаристии, тайне общения с прославленным телом Христа, семя бессмертия (ср. Св. Григорий Нисский, *Катехизическая проповедь XXXVII*: PG 45,97) осуществляет участие в Божественной жизни. Укорененные во Христе «люди становятся богами и детьми Бога, ...пыль возносится на такой уровень славы, что теперь приравнена в почести и божественности к божественной природе» (Никола Кабазилас, *Жизнь во Христе*, I: PG 150,505) [ср. *Oriente Lumen* № 6]

Примем присутствие Воскресшего с благодарностью и большой радостью, по словам сегодняшней вступительной молитвы: «*Боже, да ликует непрестанно народ Твой, которому Ты вернул молодость духа, чтобы, радуясь вновь обретенной славе усыновления, он с упованием ожидал славного дня воскресения*» [Литургическая тетрадка, 22 апреля 2012 г.].

13. Укрепляемые этой молитвой Церкви, доверимся Дуновению Воскресшего и позволим Ему в глубине формировать наш ответ Слову Учителя, углубляясь в поклонение: «Ты мой и Я твой, Я купил тебя дорогой ценой, ценой всей Моей пролитой крови, будь Моим, как Я твой. Мы едино, единое тело, единый Дух. Прими то, чем ты являешься, Мое тело,

и позволь Мне продолжить Свой путь по земле среди людей благодаря тебе, благодаря твоему отданному Мне сердцу, твоему духу, в котором обитает и которое преобразается Моей любовью. Я воплотился не для того, чтобы затем избавиться от плоти, но чтобы все человечество сделать Своим телом. Вместе с твоими и Моими друзьями ты являешься пророчеством судьбы всех. Чтобы все стали Одним».

14. Дорогие друзья, с глубокой радостью и благодарностью восхвалим Господа и принесем себя, чтобы, укрепляемые Его Духом, стать Его свидетелями. Чтобы наше свидетельство было смиренным и мужественным, не столько нашим, сколько Его, живее в нас, чем мы сами.

Пусть Его объятие Мира станет нашим личным и церковным объятием, объятием, которое является таинством Его Мира для света. Аминь!

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Хулиан Каррон. Ваше Высокопреосвященство, от имени всех я хотел бы прежде всего поблагодарить Вас за участие в наших Упражнениях. Позвольте мне также поблагодарить Вас за многолетнюю дружбу и сердечное внимание, с которым Вы обращаетесь к нашему опыту. И не в последнюю очередь мы хотели бы выразить Вам нашу признательность за свидетельство истинного уподобления Петру в его благородной задаче в служении сладчайшему Христу на земле, даже в эти сложные и смутные времена. Спасибо, Ваше Высокопреосвященство.

Кардинал Уэллс. Дорогие друзья, прежде чем попрощаться, мне хотелось бы вновь выразить благодарность за оказанную мне великую привилегию служить с вами Святую Евхаристию в свете Воскресшего. Вне всякого сомнения, быть принятым в ваше общение в один из самых значительных моментов вашего духовного пути – это благодать для меня. Да воздаст вам Бог во стократ.

Мне хотелось бы поблагодарить и за другое. Все знают о дружбе между движением «Общение и Освобождение» и Святейшим Отцом Бенедиктом XVI, дружбе, которая продолжает цвести и приносить плоды. Выражаю глубокую благодарность за это, за ваш сокровенный и публичный вклад в его великий понтификат. Вверяю Марии каждого из вас, ваши семьи и все ваши дела! Молитесь и вы за меня!

Спасибо!

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

«И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2,20).

Дорогие друзья, в этом году я вновь решил написать вам по случаю Духовных упражнений, важного события лично для меня и для всего Братства «Общение и Освобождение».

«Я, но больше не я», – так на Конгрессе Церкви в Вероне Бенедикт XVI перефразировал эти глубокие слова св. Павла, которым посвящена ваша встреча.

Каждый из нас вздрогнул, потрясенный этим утверждением: с одной стороны, мы выходим в «новое пространство», перед нами открывается полный горизонт желаний, которое никогда не покидает наше сердце, а с другой, – мы практически неизбежно ощущаем ответный удар, сразу же испытываем страх, что не сможем реализовать это важнейшее желание.

Чем больше времени проходит, тем больше риск, что парадоксальная природа этого потрясения утомит наше сердце, ослабит веру, угасит красоту возведения Иисуса Христа, единственного Искупителя и Спасителя.

Отец Джуссани справедливо указывал, что противоядием от этого риска служит образ нравственного «возобновления».

Пусть каждый просит у Милосердия, у Самого Христа, умершего и воскресшего, о силе возобновления.

Отдадим друг друга в руки Марии.

Приветствую вас в Господе из Ченстоховы и благословляю.

Кардинал Анджело Скола

Архиепископ Миланский

Дорогой отец Хулиан!

С течением времени мы обретаем все больше уверенности, что Христос, Бог, ставший человеком, страдавший на кресте и Воскресший, важен для жизни каждого человека и всей истории!

С течением времени нам становится все очевиднее, что Христос пришел не для того, чтобы мы стали совершеннее: достаточно посмотреть на мировую историю, на мир спустя две тысячи лет после Его пришествия или же смиренно и искренне взглянуть на самих себя: «Нет ничего в бескрайней вселенной, что не приносило бы несчастья» (Ш. Пеги). Христос принес с Собой новизну, которую можно пережить на опыте нашей жизни в истории: эта новизна – Он Сам, Своим присутствием изменяющий, преображающий человека и мир (Иоанн Павел II). «Господь наш Иисус Христос после Своей смерти на кресте за грехи наши и вознесения

на небо не оставил мир таким же, каким он был, но оставил после Себя драгоценный дар. Он оставил в мире то, чего раньше в мире не было: тайное убежище, в котором мы могли бы радоваться вере и любви везде, где их находим» (бл. Джон Ньюман).

Таким образом, текущее время становится все более ощутимым милосердием Бога воссоздающего, видимым действием Воскресшего, Который «в этой пасхальной радости заново творит нас невинными». Это Его народ, народ, который есть Его обитель среди людей. Воскресший рождает его, и всякое новое начало, например, эти грандиозные Духовные упражнения, становятся путем и обителью.

Сопровождаю Духовные упражнения Братства своей смиренной молитвой и жертвой.

Твой благодатью Господа нашего Иисуса Христа Воскресшего.

Архиепископ Павел Пеци

Митрополит Архиепархии Божией Матери в Москве

Дорогой отец Хулиан Каррон,

посылаю тебе и всем друзьям из Движения свой привет и молюсь о том, чтобы эти Духовные упражнения Братства «Общение и Освобождение» прошли благополучно. После 27 лет, проведенных в Бразилии, в миссии, которая началась с предложения отца Джуссани, несколько месяцев назад я вернулся в Италию в архиепархию Таранто. Сейчас у меня много забот, связанных с жизнью Церкви и общества, которое переживает очень непростой период из-за конфликта между необходимостью сохранения рабочих мест и защитой здоровья и окружающей среды.

Это трудное время для итальянского и европейского сообщества в целом, но также это прекрасная возможность показать всем нашу надежду, которой научила нас необъятная харизма отца Джуссани. Он приобщил нас к опыту св. Павла, совпадающему с темой Духовных упражнений: «И уже не я живу, но живет во мне Христос». Этот факт господствует в нашей жизни, в тех обстоятельствах, через которые мы признаны пройденными. И тогда все изменяется, становится более истинным.

Полный уверенности, соединяюсь с вами в этот момент благодати и прошу для всего Движения готовности следовать по пути, который ты нам покажешь.

Призываю на вас Божие благословение и заступничество Богородицы и сердечно вас приветствую.

Монсеньор Филиппо Санторо

Архиепископ Таранто

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

*Его Святейшеству
Бенедикту XVI*

Ваше Святейшество, 25.000 членов Братства «Общение и Освобождение» приняли участие в традиционных Духовных упражнениях, в размышлении над словами святого Павла: «И уже не я живу, но живет во мне Христос». Еще несколько тысяч человек из тринадцати европейских стран участвовали в Упражнениях посредством видеосвязи.

В эти дни мы снова пережили опыт Христа как ответ на то, чем каждый из нас является, проверяя на опыте, что только внимательное, нежное и страстное осознание себя самих распаивает нас к признанию Христа, присутствующего здесь и сейчас, Единственного, кто преодолевает разрыв между знанием и верой, который Ваше Святейшество определили как главную проблему живущих ныне христиан. Если Христос действительным образом не живет в нас, то побеждает и господствует дуализм и нигилизм. Отец Джуссани ответил на вызов жить на высоте своей человечности, он не уклонился от взгляда Христа и таким образом наметил путь для каждого из нас в следовании за Папой и его Церковью, всем своим опытом свидетельствуя нам, что только Иисус соответствует полноте ожидания сердца.

Воодушевленные Вашей личностью, придающей плоть и кровь пасхальной весте: «Если Иисус воскрес, произошло что-то действительно новое, что меняет положение человека и мира. Воскресший не принадлежит прошлому, Он присутствует сегодня, Он живет», – мы ожидаем встречи с Петром в Милане вместе со всеми семьями мира.

К Вам устремлена привязанность нашего сердца.
свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству
Кардиналу Анджело Баньяско*

Председателю Конференции епископов Италии

Ваше Высокопреосвященство, 25.000 членов Братства «Общение и Освобождение», собравшиеся в Римини на Духовные упражнения, посвященные теме «И уже не я живу, но живет во мне Христос», обновляют желание вместе со всей Церковью Италии совершать великое дело

свидетельства о том, что только во Христе человек может найти мир и подлинный смысл своей жизни, что особенно необходимо в наше время кризиса и смятения.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству
Кардиналу Станиславу Рылко*

Председателю Папского совета по делам мирян

Ваше Высокопреосвященство, 25.000 *christifideles*, членов Братства «Общение и Освобождение», собравшиеся в Римини на Духовные упражнения, посвященные теме «И уже не я живу, но живет во мне Христос», а также участвующие во встрече посредством видеосвязи в 13 странах Европы, подтверждают обязательство свидетельствовать о глубоком изменении, которое Христос совершает в человеке, если человек позволяет Ему привлечь себя.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству
Кардиналу Анджело Сколе
Архиепископу Миланскому*

Дорогой Анджело, твои слова призвали нас стать еще более послушными – смиренными и поэтому смиренными – и открытыми для возобновления, которое может совершить в нашей жизни только тайна Христа воскресшего и поэтому современного каждому из нас. Исполненное боли осознание несостоятельности нашего «я», заставляющее нас вздрагивать от страха и сомнения, напоминает о необходимости памятовать о Христе и побуждает нас еще сознательнее продолжать путь, по которому шел отец Джуссани, своей жизнью свидетельствуя нам, что вера есть наивысшая разумность и что никакой успех или власть не может удовлетворить наше сердце.

В ожидании великой Всемирной встречи семей со Святейшим Отцом доверяем твои намерения Богородице из Караваджо и просим молиться об обращении каждого из членов Братства.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству
Монсьёру Филиппо Санторо
Архиепископу Таранто*

Ваше Высокопреосвященство, благодарим за твое послание и молимся в Римини за твое новое пастырское служение, не сомневаясь, что верность той форме учительства, которой мы были доверены, останется для тебя критерием свидетельства перед твоим народом, что Христос единственный Своим взглядом охватывает и спасает нас и всех людей в драме нашей жизни.

свят. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству
Архиепископу Павлу Пецци
Митрополиту Архиепархии Божией Матери в Москве*

Ваше Высокопреосвященство, благодарим за твою молитву за наши Духовные упражнения. Мы вновь пережили опыт современности Христа благодаря новизне, которую Он принес в нашу жизнь, хрупкую, но полную уверенности в том, что Он есть Господь. Пусть Богородица Владимирская соделает твою жизнь свидетельством перед Христом, самым драгоценным нашим достоянием, на пути, указанном отцом Джуссани.

свят. Хулиан Каррон

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель Сандро Кьеричи

(Руководство к прочтению изображений, заимствованных из истории искусства для сопровождения музыкальных отрывков при входе и выходе из зала.)

Катакомбы – это место, где мы находим первые произведения христианского искусства. Зарождающееся искусство связано с культом усопших, так как победа над смертью – последняя преграда, о которую разбивались все древние культы – это сердцевина опыта первых христианских общин. История спасения, рассказанная в ее главных эпизодах, насквозь проникнута этим взглядом, обращенным ко Христу, который Своим Воскресением навсегда победил смерть и Своей Жертвой открыл человеку возможность компании, которая будет с ним всегда.

1. Рим, Катакомбы Коммодиллы, Хризма, альфа и омега
2. Ватикан, Коллекция Тевтонского кладбища, Погребальный камень с Хризмой, альфой и омегой и двумя голубями
3. Рим, Соemeterium majus, Адам и Ева
4. Рим, Катакомбы на виа Латина, Приношение Каина и Авеля
5. Рим, Катакомбы на виа Латина, Авраам и три ангела
6. Рим, Катакомбы Присциллы, Жертвоприношение Исаака
7. Рим, Катакомбы св. Себастьяна, Жертвоприношение Исаака
8. Рим, Катакомбы на виа Латина, Сон Иакова
9. Рим, Катакомбы на виа Дино Компаньи, Самсон изгоняет Филистимлян
10. Рим, Катакомбы на виа Дино Компаньи, Валаам и ослица
11. Рим, Катакомбы св. Себастьяна, Три отрока в печи огненной
12. Рим, Катакомбы Присциллы, Три отрока в печи огненной
13. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Даниил в яме со львами
14. Рим, Катакомбы св. Каллиста, Даниил в яме со львами
15. Рим, Катакомбы св. Себастьяна, Переход через Красное море
16. Рим, Катакомбы св. Себастьяна, Огненная колесница
17. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Чудо Моисеева источника
18. Рим, Катакомбы св. Себастьяна, Сон Иосифа
19. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Иона, выброшенный в море
20. Рим, Гипогей Аврелиев, Иона, выброшенный в море
21. Рим, Катакомбы св. Себастьяна, Иона, выброшенный чудищем на сушу
22. Рим, Катакомбы св. Себастьяна, Отдых Ионы

23. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Крещение Иисуса
24. Рим, Катакомбы Присциллы, Иисус добрый пастырь
25. Рим, Катакомбы св. Каллиста, Иисус добрый пастырь
26. Рим, Гипогей Требия, Иисус добрый пастырь
27. Рим, Гипогей Аврелиев, Нагорная проповедь
28. Рим, Катакомбы на виа Латина, Умножение хлебов
29. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Исцеление согбенной женщины
30. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Самарянка у колодца
31. Рим, Гипогей на виа Дино Компаньи, Самарянка у колодца
32. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Исцеление кровоточивой женщины
33. Рим, Катакомбы св. Себастьяна, Кубикулум С, Воскрешение Лазаря
34. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Воскрешение Лазаря
35. Рим, Катакомбы св. Каллиста, Воскрешение Лазаря
36. Рим, Катакомбы Домитиллы, Христос с апостолами
37. Рим, Катакомбы на виа Анапо, Христос с апостолами
38. Рим, Катакомбы Домитиллы, Христос и апостолы
39. Рим, Катакомбы Присциллы, Евхаристический пир
40. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Евхаристический пир
41. Рим, Катакомбы св. Каллиста, Евхаристический пир
42. Рим, Катакомбы св. Каллиста, Евхаристическая рыба
43. Табха (Израиль), Церковь умножения хлебов, Умножение хлебов, напольная мозаика
44. Рим, Катакомбы Коммодиллы, Отречение Петра и петух
45. Рим, Гипогей Аврелиев, Апостол
46. Рим, Исповедальня под Базиликой святых Иоанна и Павла, Молящийся святой
47. Рим, Катакомбы на виа Латина, Портрет девушки
48. Рим, Катакомбы на виа Латина, Портрет девушки, фрагмент
49. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Фигуры святых
50. Рим, Катакомбы Домитиллы, Фигуры святых
51. Рим, Гипогей Требия, Сцена строительства
52. Рим, Гипогей Требия, Сцена беседы
53. Рим, Катакомбы св. Себастьяна, Кубикулум С, Воскрешение Лазаря
54. Рим, Катакомбы св. Себастьяна, Ной в ковчеге
55. Рим, Катакомбы Присциллы, Молящаяся, именуемая Велата
56. Рим, Катакомбы Присциллы, Тимпан Велаты
57. Рим, Катакомбы Иорданцев, Молящийся
58. Неаполь, Катакомбы св. Януария, Аркосолиум семьи Теотекнуса
59. Рим, Катакомбы Присциллы, Мать с младенцем.

60. Рим, Sometetium majus, Молящаяся Дева с Младенцем
61. Рим, Санта-Мария-Антиква, Богородица с Младенцем
62. Рим, Санта-Мария-Антиква, Фигура святого
63. Рим, Катакомбы Коммодиллы, Богородица с ребенком и святыми
64. Рим, Катакомбы свв. Петра и Марцеллина, Христос с Петром и Павлом
65. Рим, Катакомбы Коммодиллы, Бюст Христа

Содержание

ПОСЛАНИЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА БЕНЕДИКТА XVI 3

Пятница 20 апреля, вечер

ВВЕДЕНИЕ 4

СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО 12

Суббота 21 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ — *Следовать за Учителем* 13

Суббота 21 апреля, день

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ — *Путь самосознания — это прожитый опыт* 29

СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МИКЕЛЕ БЕРКИ 51

Воскресенье 22 апреля, утро

СОБРАНИЕ 53

СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА
КАРДИНАЛА МАРКА УЭЛЛЕ, ПРЕФЕКТА КОНГРЕГАЦИИ ЕПИСКОПОВ 73

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ 77

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ 79

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ 82

